

Зураб
ТОПОЛЬ

Влюбленный

Достоевский

Эдуард Тополь

Влюбленный Достоевский

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Влюбленный Достоевский / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 5-17-005932-9

Феноменальная и малоизвестная история первой любви Ф.М.Достоевского, киноповести «Любовь с первого взгляда», «Ошибки юности» и другие произведения для экрана и сцены – вот содержание этого сборника. «Три года назад, когда я писал «Игру в кино», я искренне считал, что давным-давно расстался с кинематографом и могу этой книгой подвести итог своей кинобиографии. Издатель воспринял эти мемуары без всякого энтузиазма: мемуары – вещь некоммерческая. Но, как ни странно, «Игра в кино» оказалась живучей, как серый утенок – изданная поначалу крохотным тиражом, она выдержала уже с десяток допечаток. Одновременно – по закону «never say never» – судьба самым банальным драматургическим рондо вдруг закольцевала меня идеей фильма о первой любви Достоевского, мюзиклом о Тверской и другими кинозатейми. Таким образом родился этот сборник – в него вошли сценарии и пьесы, написанные в моей первой, подсоветской жизни, и вещи, родившиеся только что, в моей третьей жизни, постэмигрантской». Эдуард Тополь С 2001 года книга «Влюбленный Достоевский» переиздавалась 8 раз. Дата первого издания «Влюбленный Достоевский»: апрель 2001 года, последнее, 8-е издание вышло в марте 2004 года.

ISBN 5-17-005932-9

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

От автора	5
Любовь с первого взгляда	6
Эдуард Тополь, Белла Берг	37
День первый. «Турецкий марш»	37
День второй. Хор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдуард Тополь

Влюбленный Достоевский

Сборник

От автора

Три года назад, когда я писал «Игру в кино», я искренне считал, что давным-давно расстался с кинематографом и могу этой книгой подвести итог своей кинобиографии. Издатель воспринял эти мемуары без всякого энтузиазма: мемуары – вещь некоммерческая. Но, как ни странно, «Игра в кино» оказалась живучей, как серый утенок – изданная поначалу крохотным тиражом, она выдержала уже с десятков допечаток. Одновременно – по закону «never say never» – судьба самым банальным драматургическим рондо вдруг закольцевала меня идеей фильма о первой любви Достоевского, мюзиклом о Тверской и другими кинозатейми.

Таким образом родился этот сборник – в него вошли сценарии и пьесы, написанные в моей первой, подсоветской жизни, и вещи, родившиеся только что, в моей третьей жизни, постэмигрантской.

Любовь с первого взгляда

Литературный сценарий

...А был он молод, он был непристойно молод – пятнадцать с половиной лет. И поэтому он еще гонял в футбол с мальчишками нашей улицы. Я помню ее и вижу – нашу Бондарную улицу, этот раскаленный асфальт узкой мостовой и каменный коридор приплюснутых друг к другу домов с плоскими крышами, залитыми киром – смесью битума и асфальта.

Днем здесь – душное пекло, жар источают и дома, и мостовая, а кир, расплавившись на солнце, стекает по водосточным трубам, как густой черный мед. В руках у кирпичиков длинные стальные мешалки-ковши, а сами они измазаны копотью и похожи на сталеваров, и горький дым из котла плывет по улице и никуда не уплывает, поскольку ветра нет и уплыть дыму некуда, разве что в открытые окна квартир и в балконные двери.

В квартирах дым оседает копотью на белые скатерти и покрывала, на лаваш и мацони, которым с утра до ночи пичкают многочисленных грудных и негрудных детей нашей улицы. И когда чернеют белые тюлевые занавески и копоть вместе с изюмом плавает в манной каше или в черную крапинку рябит только что выстиранное и вывешенное для сушки белье – шумней шумного становится на нашей и без того не тихой улице. Разъяренные старухи, давно опустившие чадру с лица на плечи, перегнувшись через перила балконов, осыпают проклятиями флегматичных кирпичиков и заодно с ними мальчишек, гоняющих в футбол. Только в южных городах, пестрых от многоязыковой смеси, можно услышать такие красивые и звучные проклятия, расцвеченные, как палас, ругательствами всех закавказских языков плюс великий и могучий язык старшего северного брата. О, эти проклятия – воистину гремучая смесь!

Однако ни кирпичики, ни мальчишки не обращают на ругань никакого внимания. Кирщики молча варят асфальт, а мальчишки шумно играют в футбол, не замечая ни бранящихся старух, ни прохожих и вылавливая свой мяч чуть ли не из-под колес машин, изредка проезжающих по нашей улице.

Да, я помню тебя и вижу, Бондарная улица. И этот ежедневный – с утра до ночи – футбол, в него играли не только мальчишки, но и двадцатилетние отцы тех самых грудных детей, которых молодые мамы кормили манной кашей с копотью. Нет, возрастной ценз не существовал на этом футбольном поле, то есть, простите, на этой футбольной мостовой нашей улицы. Даже сорокалетний дебил Мустафа играл с мальчишками в футбол на равных...

...В этот апрельский день они тоже играли в футбол. Они гоняли мяч с тем азартом, с каким могут гонять мяч мальчишки, когда им от десяти до сорока. И он – Мурат – ничем не отличался от них, в нем даже роста, как на грех, было 166 сантиметров, да так и осталось на всю жизнь 166, ну разве потом, после армии, прибавилось еще пару. И он был такой же черный, как все, вернее – такой же грязный и смуглый, с разгоревшимися от азарта углями черных глаз. Наверно, он и в футбол играл не хуже и не лучше других, потому что забил мяч не в ворота, а на наш балкон. Впрочем, мяч попадал на наш балкон регулярно, и никакого ЧП в том не было. Поэтому, когда кто-нибудь из нас был дома и снизу раздавался свист, мы выходили на балкон, спокойно сбрасывали мяч, и игра под нашими окнами продолжалась. А когда никого из нас не было дома, мальчишки взбирались на наш балкон по проходящей рядом водосточной трубе, и достать мяч должен был тот, кто забил его.

Мурат забил мяч на наш балкон, сунул два пальца в рот и свистнул, но на балкон никто не вышел, и Мурат стал привычно карабкаться по водосточной трубе. Он проделал это легко и быстро, я бы сказал – беспечно, еще не зная, что преодолевает ровно четыре метра, отделяющих его футбольное детство от всей дальнейшей жизни. Да, это был роковой для него и для нашей семьи подъем.

Мяч лежал у перил рядом с тазом созревающей айвы, но дверь в комнату была приоткрыта, и потому, прежде чем прихватить вместе с мячом сочную айву, Мурат заглянул в квартиру.

И обмер.

На диване лежала абсолютно голая Сонька. Она лежала на животе, перед ней были ноты, а простыня, которой Сонька укрывалась, сползла с ее спины на пол, потому что, видите ли, и под простыней Соньке было жарко. Упершись локтями в валик дивана, Сонька разучивала Второй концерт Рахманинова. Мурат не знал, что она разучивает Рахманинова, хотя если бы и знал – ну что бы это изменило? Он увидел мою сестру Соньку, он увидел ее сразу всю – так измученный жарой солдат разом выпивает ковш колодезной воды. Эта мерзавка лежала на диване голая, выставив свою белую девятнадцатилетнюю попку и распустив по плечам тяжелые роскошные волосы. Хмуря тонкие брови, сосредоточенно и серьезно, с вдохновением школьницы она распевала Второй концерт Рахманинова, а такт отбивала голой ножкой по валику дивана.

Только нетерпеливый окрик футболистов вернул Мурата к действительности. Он испуганно сбросил мяч, а потом почти кубарем скатился по водосточной трубе вниз, и лицо у него было в этот момент растерянное и безрассудное, как у дебила Мустафы, и, спрыгивая на тротуар, он чуть не сшиб проходившего под балконом мясника и верзилу Арсена. Арсен еще в шестнадцать лет весил 120 килограммов, поэтому он никогда не играл в футбол и с детства ненавидел футболистов. Когда Мурат сверзился рядом с ним на тротуар, зацепив локтем его огромную кепку-восьмиклинку, Арсен тут же схватил его за горло.

– Э! Пусти, да! – нетерпеливо и пренебрежительно сказал ему Мурат, словно Арсен хотел почесать ему за ухом, а не сломать шейные позвонки. И с силой стряхнул арсеновскую руку со своего горла и тут же крикнул своему школьному приятелю, гонявшему с ним в футбол: – Серый, давай мой портфель!

Сашка Серый, сын водопроводчика, жил на втором этаже в доме напротив нас, у него было четыре брата и пять сестер, и младшая половина этого семейства вечно торчала в зарешеченных окнах своей квартиры, упиравшись в эти решетки надутыми пузиками с еще неутопленными пупками. Эти пупки красовались на их голых животах, как хвостики на арбузах.

– Ара, еще не доиграли, – сказал Мурату Сашка Серый, сказал с типичным южным акцентом и с этим кавказским междометием «ара», хотя в крови у Серого не было ни капли восточной крови.

– Давай, давай, – сказал ему Мурат, а мясник Арсен, совершенно потрясенный столь небрежным к его 160-килограммовой фигуре отношением, пожал плечами и пошел прочь.

Серый крикнул вверх этим арбузным хвостикам, чтобы они сбросили портфель Мурата, и малыши с удовольствием выпихнули в дыру под решеткой тощий черный портфель с оторванной ручкой.

– Ара, что случилось? – обеспокоенно спросил Серый у Мурата.

– Ничего, домой надо, – сказал Мурат и ушел, а за его спиной тут же раздался крик:

– Я за него! Я за него!

Это выскочил из подворотни Гога-рыжий, сын стоматолога Махарадзе. Он на ходу доедал бутерброд.

Игра возобновилась, но Мурат уже не видел и не слышал ее.

Он степенно дошел до угла улицы, свернул на Красноармейскую и... опрометью бросился домой. Бежать ему было недалеко, он жил в трех кварталах от нас, на тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя, где почему-то никогда не играли в футбол.

Дома он швырнул портфель в угол и суматошно перевернул нижний ящик кухонного шкафа. Там хранилось все – от старой обуви до треснувшего питьевого рога. Среди этого старья Мурат нашел наконец обшарпанный полевой бинокль и умчался на улицу, ошарашив свою

мать и старшую сестру Бибигюль тем, что впервые отказался от обеда. Только на ходу схватил со стола полбатона чурека.

С этим полубатоном и биноклем он – уже не по тротуару, а по плоским крышам – вернулся к нашей улице и, задыхаясь от бега, шмякнулся на горячий кир. С крыши дома, где он разлегся (это был все тот же дом Серого), были видны окно и балконная дверь нашей квартиры.

Не обращая внимания на раскаленный кир, тут же прилипший к его локтям и рубахе, и держа в зубах полчурека, Мурат навел бинокль на балконную дверь нашей квартиры.

Диван был пуст.

Сонька сидела за столом, ела зеленый щавельный борщ – ей пора было идти в музучилище.

И – она была в халатике.

И – она по-прежнему что-то читала, но уже не пела при этом, а просто читала, может быть – историю музыки, поскольку на носу были выпускные экзамены.

Она ела щавельный борщ, забыв про хлеб.

Хлеб на крыше противоположного дома жевал Мурат.

Всухомятку.

А внизу играли в футбол. От мостовой до крыши, на которой лежал Мурат, было двенадцать метров, не больше. И в то же время – очень далеко. Как от детства до первой любви.

Сонька вышла из подъезда с черной папкой для нот и, опасливо обогнув орущих в футбольном азарте мальчишек, пошла в свое музучилище. Увесистая дерматиновая папка для нот с ручками-шнурками оттягивала Соньке руку.

Нужно ли говорить, что Мурат следовал за ней – сначала по крышам, а затем по улицам.

Свернув за угол, Сонька встретила маму – мама шла с базара, несла кошелку, полную зелени и баклажанов.

– Ты поела? – спросила мама у Сони.

Конечно, Сонька поела.

– А газ выключила?

– Ну, мама! – укоризненно сказала Сонька.

– А когда ты придешь?

– Вечером. Мы после занятий идем в филармонию.

– Знаю я эту филармонию! – сказала мама. – Опять будешь шландаться с этим грузином!

– Ну, мама! – сказала Сонька. – Он же в консерватории учится. Мы правда идем в филармонию. Из Вильнюса скрипач приехал, я же тебе говорила.

– Ой, смотри, Сонька! – сказала мама и пошла домой.

А Сонька пошла в училище, и за ней на расстоянии десяти метров, как привязанный, плелся Мурат.

А вечером, поздним вечером, когда нашу Бондарную улицу освещают лишь закопченные фонари и в окнах гаснет свет, а в подворотнях-растворах стихает сухой стук нард, Сонька возвращалась домой, и провожал ее «этот грузин» Картлос – красивый флейтист из очень интеллигентной семьи, студент первого курса консерватории.

Тихо отслоились от стены три фигуры и тихо преградили дорогу Картлосу и Соньке.

– Закурить есть? – спросил у Картлоса Гога Махарадзе, сын стоматолога.

– Я не курю, – сказал Картлос.

Серый повернулся к Мурату, спросил:

– Бить?

– Подожди, – сказал Мурат и попросил Картлоса: – Отойди на минуточку.

– Не хочу, – сказал Картлос.

– Ара, ну бить? – опять спросил у Мурата нетерпеливый Сашка Серый.
– Хулиганы! – сказала Сонька. – Серый, я твоему отцу скажу. Не трогайте его.
– А кто его трогает? – спросил Серый. – С ним поговорить хотят. Ара, ты мужчина или нет? – спросил он у Картлоса. – Ты можешь от нее отойти?
– Ну, могу, – сказал Картлос, хотя ему не хотелось.
– Не ходи! – сказала ему Сонька. – Серый, я буду кричать.
– Ара, не будем мы его бить, – сказал ей Гога, под руку отводя Картлоса в сторону. – Что мы – трое одного будем бить? Пальцем не тронем.
Вчетвером они отошли от Сони на пять шагов. Остановились.
– Ты с какой улицы? – спросил Мурат у Картлоса.
– С Самеда Вургуна, а что? – сказал Картлос.
– А зачем по нашей улице ходишь? – спросил Гога. – Я по твоей улице хожу?
– Ара, что с ним говорить? – сказал Серый и ударил Картлоса под дых.
И тут на них налетела Сонька.
– Бандиты! Зверюги! – Она лупила их по головам тяжелой дерматиновой папкой для нот, но они не обращали на нее внимания, а когда Гога замахнулся на нее, Мурат резко двинул его в бок. Гога выпучил глаза:
– За что, эй?
– Ее не трогай, – сказал Мурат. – Серый, пусть она идет домой.
Но тут Сонька с размаху шмякнула папкой ему по голове. Он посмотрел ей в глаза и сказал:
– Еще!
А Картлос вырвался наконец из кольца, отбежал в сторону. Серый и Гога погнались за ним.
А Сонька в истерике продолжала бить Мурата папкой по голове, он стоял, набычившись, и после каждого удара говорил:
– Еще.
Сонька устала и заплакала.
– Бандюги! – проговорила она сквозь слезы. – Все равно я буду с ним ходить...
– Не будешь, – сказал Мурат.

* * *

И с этого дня он таскался за Сонькой повсюду.
Он ждал ее по вечерам при выходе из музучилища.
Из распахнутых окон музыкальных классов лились на улицу скрипка и фортепиано, виолончель и флейта, но особенно изводили Мурата скрипачи – они выжимали из своих инструментов не музыку, а кизилковый сок.
Мурат слонялся по тротуару и слушал, слушал и постепенно привыкал к этим непонятным звукам.
А потом выходила Сонька. Она выходила с подругами и шла с ними по улицам, демонстративно не обращая внимания на следовавшего позади Мурата. А он шел за ней на расстоянии десяти шагов. Десять шагов – не ближе, не дальше.
А Сонька шла в библиотеку или в филармонию – иногда даже с Картлосом, – и Мурат опять ждал ее и тащился следом, провожая до угла Бондарной улицы, откуда ему было видно, что она наконец пошла домой.
И это привело все-таки к драке, потому что однажды Сонька пошла с Картлосом на бульвар, и там Картлос встретил своих ребят с улицы Самеда Вургуна, и они избили Мурата.

Но на следующий день – с синяками и разбитой бровью – он опять ждал Соньку при выходе из музучилища.

А лил, между прочим, дождь – хлесткий майский дождь.

Мурат стоял напротив училища, прячась от ливня под козырьком какого-то подъезда, и кто-то из Сонькиных подруг, выглянув в окно, увидел его съежившуюся фигуру и показал Соньке.

Сонька разозлилась. Она выскочила из класса, спустилась по лестнице к парадному подъезду училища и, открыв двери, крикнула Мурату:

– Иди сюда!

Он отрицательно покачал головой.

– Иди сюда! – приказала Сонька.

Он нехотя с независимым видом пересек под дождем улицу.

Сонька схватила его за мокрую руку, втащила в подъезд своего училища. В маленьком вестибюле было тепло, сухо, за барьером сидела дежурная.

Прижав Мурата к стене, Сонька сказала ему почти с ненавистью:

– Ну чего ты хочешь? Чего?

– Ничего... – ответил он.

– А зачем торчишь здесь? Зачем?

Он пожал плечами.

– Это смешно! – сказала она. – Смешно, понимаешь? Между нами ничего не может быть, ничего! Ты маленький, понимаешь, ма-лень-кий!

– Я вырасту.

– Дурак!

– Дворкина, – подошел к Соньке секретарь комитета комсомола училища, – ты распространила билеты?

– Восемь штук осталось, – сказала Сонька.

– А о чем думаешь?

– А никто не берет, – сказала Сонька. – Стипендия только послезавтра.

– Меня не касается, – сказал секретарь и спросил у Мурата: – Ты из нашего училища?

– Нет, – ответила вместо Мурата Сонька. – Он школьник.

– Школьник? Очень хорошо, – сказал секретарь. – Отдай ему билеты, пусть распространит в своей школе. В порядке шефской помощи. В какой ты школе? – спросил он у Мурата.

– В 71-й... – сказал Мурат.

– Это на улице Кецховели?

Мурат кивнул.

– Так это же наш район, – сказал секретарь Соньке. – Отдай ему билеты, запиши фамилию, а я позвоню их секретарю. И запомни, Дворкина, нам нельзя замыкаться в своем кругу. Раз ты культмассовый сектор – нужно нести культуру в народ. Ясно?

– Ясно, – сказала Сонька.

– Значит, договорились. Я записываю в плане работы: совместный поход в филармонию со школьниками 71-й школы. В порядке шефской помощи.

И ушел.

Сонька посмотрела на Мурата, сказала сухо:

– Идем. Я дам тебе билеты.

Вдвоем они стали подниматься по лестнице.

– А что там будет? – спросил Мурат.

– Органный вечер. Ты любишь орган?

Он пожал плечами.

Они шли мимо классов, из каждой двери неслась музыка – скрипка, фортепиано, хор, опять скрипка, флейта...

Мурат шел, озираясь по сторонам, за ним на ковровой дорожке оставались следы от мокрых туфель.

Сонька, спеша, чтобы не попадаться на глаза педагогам и подругам, говорила на ходу:
– Пошли, пошли. Сейчас звонок будет.

Она завела его в комнату комитета комсомола. Здесь две девушки-студентки разрисовывали очередной номер стенгазеты, третья двумя пальцами клевала клавиши пишмашинки, отстукивая для газеты статьи, четвертая по телефону отчитывалась за комсомольские взносы.

Все они подняли головы, с любопытством воззрились на мокрого Сонькиного спутника.

– Это наш комитет, – сказала Мурату про этих девушек Сонька, подошла к сейфу, открыла его, достала билеты и толстую общую тетрадь. Села за стол, стала записывать. – Школа номер 71. Как твоя фамилия?

– Расулов Мурат.

– Ответственный Расулов, – записала Сонька. – В каком классе?

– В девятом, – хмуро сообщил Мурат.

Студентки потеряли к ним интерес, стали заниматься своими делами.

А Сонька насмешливо скривила губы:

– Девятый класс, а уже... Распишись. Концерт сегодня в семь часов, а деньги можешь принести завтра. Четыре рубля. Успеешь распространить билеты?

Он расписывался молча, потом спросил:

– А ты в каком ряду сидишь?

Девчонки опять заинтересованно подняли головы.

– Я этого органиста в прошлом году слушала, – сказала Сонька, собираясь встать.

– Тогда не надо. – Мурат положил билеты на стол.

– Что не надо? – удивилась Сонька.

– Не надо билеты.

Сонька насмешливо усмехнулась. Работая, так сказать, «на публику», спросила с улыбкой:

– А если я пойду?

Он взял со стола билеты, оторвал один, положил перед Сонькой, спросил хмуро:

– Точно пойдешь?

– Ну, если ты меня приглашаешь... – улыбнулась Сонька, взяв билет.

Девчонки прыснули.

– Скажи «клянусь матерью», что приедешь, – сказал он.

– Дурак! – разозлилась Сонька. – Ты где это говоришь? Это же комитет комсомола!

– Скажи «клянусь матерью», – набычившись, повторил Мурат.

– Ну хорошо, приду, честное комсомольское, – сказала Сонька.

Последние четыре часа до начала концерта прошли как в бреду. Во-первых, сразу из училища Мурат помчался к Гоге Махарадзе. У Гоги, сына стоматолога, было три костюма, и один из них – если перешить пуговицы на пиджаке и заузить брюки в поясе – пришелся Мурату впору. С Гогиным костюмом Мурат помчался домой, велел старшей сестре Бибигюль перешить эти пуговицы и наскоро заузить эти брюки. Пара чистых отцовских рубаш были Мурату явно велики, а своей чистой не было. Поэтому он тут же принялся стирать под краном свою единственную белую рубашку. Но холодной водой рубашка не отстирывалась, и мать забрала ее у Мурата, стала стирать по-настоящему – то есть сначала разогрела воду. Поглядывая на часы, Мурат метался по квартире, когда сестра сказала:

– Ты лучше пойдешь постригись...

Он помчался в парикмахерскую и возвратился домой с такой набриолиненной головой, словно ее покрыли черным лаком.

На их тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя кирщики варили кир – они переехали сюда с нашей Бондарной улицы. Густой дым поднимался над их котлами и плыл по улице Гоголя, растекаясь над крышами и оседая во дворах и квартирах.

Увидев этот переселившийся на их улицу котел, Мурат сорвался с места и бегом помчался домой. А вбежав во двор своего дома, в ужасе остановился – так и есть, мать повесила свежестыранную белую сорочку во дворе, но теперь это была уже не белая сорочка, а в черную крапинку. Копоть садилась на нее прямо на глазах...

В овальном зале вестибюля филармонии «светская» публика чинно – парами и по трое – ходила по кругу и вела тихие и якобы интеллигентные разговоры. Женщины, изображая из себя чуть ли не великосветских княгинь, не забывали при этом поглядывать в огромные зеркала на стенах и ревниво осматривали туалеты друг на друге.

Сонька в одиночестве стояла у стены и удивленно смотрела на часы – до начала концерта оставалось несколько минут, но ни Мурата, ни вообще ребят школьного возраста в вестибюле не было. Такое поведение «кавалера» задело бы любое самолюбие, а уж Сонькино...

В доме на улице Гоголя Мурат натянул вторично выстиранную рубашку – от нее еще шел пар, поскольку мать только-только прошла по ней горячим утюгом. На ходу набросив пиджак, Мурат сказал отцу:

– Отец, рубль дай, рубль...

– Ара, мать тебе дала четыре рубля, – удивленно сказал отец. – Зачем тебе еще?

– Галстук куплю по дороге, ну быстро...

– А возьми у соседа, да! Акрам, дай ему твой галстук! – попросил он через окно у соседа, который пил чай на своей веранде. – Один раз идет в филармонию, прямо весь дом перевернул, честное слово. Гога тоже идет?

– Идет, идет, – нетерпеливо сказал Мурат. – Культпоход у нас.

– Чтобы четыре рубля один билет стоил! – пожаловался отец соседу Акраму, когда тот подал в окно свой галстук. – Эти учителя, наверно, думают – я деньги на машинке печатаю...

...Наконец Мурат выскочил на улицу. В костюме, в белой сорочке, с туго повязанным галстуком и с шевелюрой, набриолиненной до черного сияния. Было без шести минут семь. В кармане у Мурата было четыре рубля, но он не стал ловить такси. Он побежал пешком. От его дома до филармонии было около двух километров – это не так уж много для хорошего спринтера, но, во-первых, Мурат не был спринтером, а во-вторых, на беговой дорожке, то есть на улицах, было полным-полно народу, высыпавшего под вечер подышать прохладой после жаркого дня.

Мурат бежал в филармонию – не бежал, а летел. На ходу оглябая прохожих, ввинчивался в компании гуляющих, выныривал чуть ли не из-под колес машин, сворачивал в проходные дворы. Бриолин уже тек по его лицу, пиджак и белая сорочка взмокли.

* * *

В филармонии открыли двери в зал, и публика, прекратив кружение по вестибюлю, устремилась на свои места.

Сонька, поглядев на опустевший вестибюль, пожала плечами и вошла в зал.

Она отыскала восьмой ряд и уселась на свое место. По обе стороны от нее было семь свободных мест – справа четыре, а слева три. Это в почти переполненном зале! Вокруг усажи-

вались на свои места зрители, а эти семь мест были свободны, и никто сюда не садился. Соньке было неловко сидеть тут в одиночестве, она нервно вертелась в кресле. Кто-то из студенток училища, сидевших в заднем ряду, подошел к ней, спросил:

– У тебя тут свободно?

– Занято, – нервно сказала Сонька. – Наверно, занято. Не знаю...

Студентка ушла назад, явно обидевшись, потому что весь зал уже уселся, а на сцену выходила ведущая. По деревянной сцене процокали ее каблучки, и в торжественной тишине она объявила звонко, отделяя каждое слово:

– Начинаем концерт органной музыки!..

У входа в филармонию взмокший Мурат выхватил из кармана семь билетов, оторвал один, протянул билетерше, а остальные сунул обратно в карман.

Билетерша посмотрела на него с удивлением – у него был явно зачумленный вид, глаза горели, по лицу и рубашке расплзся бриолин. Но билет есть – билетерша пустила его.

Он влетел в зал, когда органист уже раскланивался с аплодирующей публикой и ведущая объявляла первый номер:

– Бах! Прелюдии и фуги!

Мурат пробежал по пустому проходу, нашел восьмой ряд и шмякнулся в кресло рядом с Сонькой.

Сонька посмотрела на него уничижительным взглядом и демонстративно отвернулась.

Он достал из кармана четыре рубля, положил ей на сумочку, которую она держала на коленях.

– Это за билеты, – сказал он.

– А где же?.. – Соня кивнула на пустые места. Он пожал плечами. Она посмотрела на него, усмехнулась, достала из сумочки полтинник и положила ему на колено.

– Это за мой билет, – сказала она и опять отвернулась к сцене, где органист уже занимал место за клавиатурой органа.

Мурат покосился на Соньку – она сидела выпрямив спину, глядя строго перед собой, и во всем ее облике была отчужденность и неприступность.

Ей казалось, что весь зал смотрит сейчас на них, на эту странную пару в восьмом ряду, сидящую отдельно ото всех и окруженную пустотой свободных кресел.

И от этого Сонька злилась и краснела.

– Туда смотри, – сказала она Мурату сквозь зубы, не повернув головы и только взглядом показывая на сцену.

И тут зазвучал орган. Мурат удивленно оглянулся – величественный рокот органа он слышал впервые в жизни. Маленький органист Гарри Гродберг потерялся на фоне своего гигантского инструмента, и казалось – сам Бах низвергает свои прелюдии и фуги на эту обособленную пару в восьмом ряду.

Сонька умела слушать музыку – все-таки она была музыкантшей. Поэтому вскоре она забыла обо всем, кроме музыки, и сидела уже свободней, а не так, словно аршин проглотила.

А Мурат следил за маленьким органистом и больше удивлялся его сноровке, чем слушал музыку. И еще – поглядывал на Соню.

– Слушай! Ты слушай! – изредка говорила ему Сонька и однажды – во время какого-то очень свирепого баховского извержения звуков – даже взяла его за руку и сжала ее.

Мурат аж окаменел от этого ее прикосновения и взмок, словно его бросило в жар.

О, этот Бах! Он венчал их в эти минуты, он венчал в эти минуты совершенно невероятную пару в восьмом ряду – Соньке было девятнадцать лет, а Мурату еще не было шестнадцати.

Впрочем, ни Мурат, ни Сонька, ни тем более его величество Бах не знали тогда, что это – венчание...

Но, может быть, помимо своей воли и знания, Соня и Мурат чувствовали в этой музыке НЕЧТО – ведь Бах есть Бах, как ни крути. Я думаю, что чувствовали, – они сидели какие-то притихшие, а уединенность в своем восьмом ряду еще больше сближала их...

...Теперь по законам кинематографа должна прозвучать пощечина. О, как бы это было по-киношному – после Баха, после первых тонких нитей музыки, связавших моих героев, – выстрелить пощечиной, которую, например, Сонька дала Мурату за то, что он, допустим, решил ее поцеловать!

Но что же мне делать – ведь пощечины не было, не было...

А был по-южному темный вечер, и крупные кавказские звезды плыли над городом, а Мурат и Сонька шли домой, и Соньке неловко было идти рядом с ним, поскольку он на два сантиметра ниже ее ростом и моложе на четыре года. А единственное, о чем думал Мурат, – это взять ее под руку или нет. Взять под руку или нет – кто из нас в молодости не решал таких задач-головоломок?! А Соньке меньше всего хотелось встретить знакомых.

А Мурату больше всего хотелось взять ее под руку.

Ой, какой простой и какой сложный вопрос! Они переходили какую-то улицу, навстречу шла машина, и Мурат, воспользовавшись этим, взял Соньку под локоть.

Он вел ее через улицу, как ведут слепого, или – он нес ее локоть, как несут рюмку, полную до краев. Ой, почему такие узкие улицы в нашем городе?! На той стороне улицы Сонька высвободила руку, и они опять пошли порознь и молча.

Господи, как трудно в юности найти тему для разговора, для самого простого разговора с девушкой, в которую ты влюблен!

– Тебе понравился концерт? – спросила Соня.

– Ага... – И только через несколько шагов: – А тебе?

– Мне очень...

И опять – затяжное молчание, и снова они переходят улицу, и снова он берет ее под локоть, а на той стороне улицы она опять высвободила руку.

Наконец, все убыстряя шаг, они пришли к нашему дому.

– Спасибо. До свидания, – сухо сказала Соня, как и положено по протоколу.

– А может быть, это... погуляем? – робко предложил он.

– Зачем? – спросила Соня.

– Ну, так...

Она отрицательно покачала головой:

– Не могу. Брат приехал. В отпуск из армии. До свидания, – сказала Соня и подала Мурату руку.

– До свидания! – Он обрадовался – ведь она не может с ним еще погулять только потому, что приехал брат! А так бы...

Он пожал ей руку и даже не попытался задержать ее руку в своей.

– А в другой раз погуляем? – спросил он с надеждой. У нее не хватило духу убить его отказом, она сказала:

– Может быть. До свидания.

И тут же ушла и взбежала по лестнице на второй этаж, а он стоял и слушал цокот ее каблучков. И когда хлопнула наверху дверь и все затихло – он пошел домой. Но слово «пошел» тут не годится, потому что душа у него в этот момент пела. И, поддев ногой валявшуюся на дороге консервную банку, он финтом послал ее в темноту улицы...

Вот и все. А пощечины не было. Не было...

А теперь такая легкая-легкая музыка. Как в хорошем кино.

Мы идем по солнечной стороне улицы – я и моя сестра Сонька. На мне форма моряка Балтийского Краснознаменного флота, гюйс вытравлен морскими ветрами, бескозырка заломлена, на бескозырке золотом – «Балтийский флот». Рядом идет Сонька. Она в легком платье-мини, и волосы подобраны в узел.

Я говорю с ней как взрослый и старший брат.

– Цель! – говорю я. – Понимаешь, главное – выбрать цель и не сдаваться. Я писал стихи даже в наряде. И по ночам. И на вахте. А потом взял и послал их в Литинститут. И пришел ответ: «Вы прошли творческий конкурс». Но если бы мне отказали, я бы на будущий год попробовал снова, в пятый раз...

Сонька слушает внимательно, почти внемлет. На нее засматриваются прохожие. Она у меня красивая – Сонька! Но что-то они очень уж странно на нее засматриваются – с сожалением и удивленно.

Я останавливаюсь и смотрю на Соньку. Она – сплошное внимание и вообще – сестринское обожание в глазах. Еще бы! Ведь я прошел творческий конкурс в Литинститут, я буду писателем!

И я продолжаю:

– И вообще борьба – это интересно! Доказать всем, что ты – это ты. А главное – самому себе доказать. Запомни: каждый человек стоит столько, во сколько он сам себя ценит...

Какая-то старушка даже остановилась, засмотревшись на Соньку. Что за черт? – думаю я.

– Ну-ка повернись, – говорю я Соньке и осматриваю ее.

Нет, все нормально, платье не порвано, не испачкано – что они смотрят?

– Да, – говорю я, успокоившись, и двигаюсь дальше. – Главное – мобилизация всего себя и уверенность в своих силах...

И тут я вижу, в чем дело. Я вижу это в зеркальной витрине парикмахерской. Сонька идет чуть позади меня, на полшага сзади и... волочит ногу. Нарочно! Конечно, люди будут оборачиваться – такая молоденькая, такая красивая и... хромоножка!

Сонька вовремя перехватила мой взгляд в зеркальной витрине – я не успел дать ей по шее. Замахнулся, но не успел. И она рывком бросилась наутек, заливаясь от смеха. Разозлившись, я побежал за ней.

Красивые стройные Сонькины лодыжки мелькали впереди и отливали на солнце матовым блеском.

Конечно, для меня – моряка-балтийца – догнать ее было плевым делом.

– Мама! – крикнула Сонька, чувствуя, что я вот-вот ей накостыляю.

И вдруг остановилась как вкопанная, с расширившимися от ужаса глазами.

Возле нашего дома стояла «скорая помощь».

– Мама?! – сдавленно крикнула Сонька и помчалась к дому.

– Мама... – беззвучно прошептала Сонька и тихо осела по стене рядом с дверью, на которой была надпись «Операционная».

Мимо нас – меня и осевшей на корточках Сони – санитары прокатили носилки с укрытым простыней телом.

– Соня... – Я попробовал поднять сестру, но она даже не почувствовала этого.

Она раскачивала головой, как в забытыи, как метроном, – из стороны в сторону – и шептала бескровными губами:

– Мама... мама... мама...

И глаза ее были сухи и ничего не видели...

И волосы, пышные Сонькины волосы шуршали по известке белой больничной стены...

У мамы было больное сердце, но никто из нас не знал об этом.

А у ворот больницы дежурил Мурат. Третьи сутки. Ждал Соню, меня и нашу маму. Но теперь, на третьи сутки, дежурство закончилось.

Дорогу заслоняла спина водителя. Мы с Соней сидели сзади него на брошенной на пол подушке переднего сиденья. Все остальные, кроме водительского, сиденья были демонтированы, то есть сняты, и теперь во всю длину кабины такси «ЗИС-110» лежал цинковый гроб.

Спелое осеннее лето – все в зелени плодов, листьев и взрослой травы, все в шорохах и трепете жизни – мчалось навстречу машине.

Сухо стучал счетчик-таксометр, сбрасывая десятки в нули и снова начиная с десяти копеек.

Дорога шла серпантинном – среди горных террас, укрытых зеленью кипарисов и прочей южной растительностью. Под этой зеленью белели корпуса санаториев. Иные из них выбегали к дороге, к шоссе, выставляя напоказ свою беспечную курортную жизнь, круторогих гипсовых козлов и придорожные рестораны «Отдых». Во дворе одного из этих ресторанов-шашлычных какой-то молодой парень обливал сам себя водой из шланга. Жизнь была ему в загорелые плечи тугой серебристой струей, брызги отлетали далеко в стороны и катились по пыльному асфальту шариками ртути.

А Сонька сидела рядом со мной, и глаза у нее были застывшие и неживые.

А счетчик все стучал – сухо и бесстрастно, как метроном.

– Может, выключишь? – сказал я водителю. – Я по спидометру заплачу.

– Тут ГАИ всю дорогу, – ответил он, но счетчик выключил.

И почти тут же нас остановил грузин-орудовец.

– И что везешь? – сказал он водителю и потребовал: – Путевку!

Водитель протянул ему путевку, сказал:

– Сам не видишь? Люди мать хоронят...

Он сказал это с вызовом, с сознанием того, что сейчас, защищенный нашим горем, он может даже нахамить милиционеру. Помню, меня это неприятно кольнуло, но я смолчал.

Милиционер посмотрел на меня, на Соню и спросил совсем иным, участливым голосом:

– Далеко едете?

– В Белоруссию, – сказал я.

– Хотят рядом с отцом похоронить, – добавил, объясняя, водитель.

Милиционер вернул водителю путевку, сказал коротко:

– Поезжай...

И посмотрел на Соню – наверно, хотел сказать еще что-то участливое, ведь у грузин тоже культ матерей, но шофер уже включил скорость.

В Дербенте он купил два мешка яблок.

Бабы с ведрами яблок стояли вдоль шоссе у ресторана «Дорожный», но наш водитель – мужик хозяйственный и обстоятельный – высмотрел самые лучшие и недорогие яблоки – на подводе. Он притащил эти два мешка яблок почти бегом, высыпал яблоки прямо на пол машины и сказал:

– Даром взял, ей-богу. Купить вам?

– Поехали, – сказал я.

– Конечно, поехали. – Он смутился совсем чуть-чуть, а может, и вовсе не смутился.

Он отнес продавцу пустые мешки, а потом, усевшись на свое место, взял со дна машины яблоко, обтер его рукавом рубахи, надкусил и повернулся к нам.

– Ты попробуй, – сказал он мне. – И вообще – кушайте. Чего уж теперь? Жить-то надо...

Я знал, что жить надо, что надо жить, но...

Мама лежала в яблоках, в спелых яблоках «белый налив».

– Мама! – выдохнула Сонька и наконец заплакала. Впервые за все это время.

Под простым старым памятником с выгоревшей красной звездой лежали осенние полевые цветы, а рядом высился второй холмик из свежевыкопанной земли, укрытой такими же цветами. На памятнике была табличка «Старший лейтенант Дворкин И.М. 1919 – 1944 гг.». На маминой могиле еще не было ни памятника, ни таблички.

Мы сидели рядом с этими могилами. Я и Соня.

Молчали. Где-то вдали, за поселком-усадебой колхоза «Рассвет» прогремел поезд.

На краю кладбища остановилась «Волга», из нее вышел бритый наголо пожилой мужик в шерстяном костюме и белой рубашке, вышитой белорусским орнаментом. Подошел к нам, сел на лавочку. Потер бритую голову, закурил.

– Вот чего, – сказал он. – Ты езжай и служи себе спокойно, понял? Сколько тебе служить осталось?

– Год, – сказал я.

– Вот и служи, – сказал он и повернулся к Соне. – А ты у нас останешься, будешь в музыкальной школе работать, мы тебе сначала комнату дадим, а после, если насовсем останешься, – квартиру, дом то есть.

Соня посмотрела на него, на меня.

– А чего? – сказал он. – Могила вашего батьки на нашей земле, а теперь и мать тут. Значит, обязаны мы в вас участие принять, я так понимаю. За то он и кровь тут проливал, так я понимаю. А то что она там одна будет в вашем городе делать? На какие шиши жить? А у нас музыкальная школа уже четвертый год работает, так что тут тебе самое место, дочка, я так понимаю. А квартира ваша городская за тобой, парень, останется, поскольку ты в армии служишь и вообще. Вы без вещей приехали?

– Без, – сказал я.

– Жалко. Ну, ничего, мы ей подъемные дадим, съездит за вещами, привезет, а мы тут ей пока хату оборудуем.

– А вы кто? – спросил я.

– А я председатель колхоза, – сказал он. – Я тут с твоим батькой воевал, мне тогда четырнадцать лет было. Это вы святое дело сделали, что мать сюда привезли, к отцу. Я в райцентре на пленуме был, не успел на похороны. Тебя как звать?

Был осенний перрон, поезд кропило дождем и снегом. Соня была под черным зонтиком и в черном траурном платье. Провожали ее флейтист из консерватории Картлос, Мурат и две подруги из музучилища. Мурат и Картлос внесли Сонькины вещи в вагон.

Потом они стояли на перроне, подруги расцеловались с Соней, и настал черед прощаться с ребятами. Соня сказала Мурату и Картлосу:

– Спасибо вам. Теперь вы не будете драться.

Она протянула руку Картлосу, он пожал ее и чуть задержал в своей руке.

Затем она подала руку Мурату.

Но он стоял не двигаясь, молча глядел ей в глаза. Дождь и снег увлажнили его лицо и непокрытую голову.

– Глупый, – сказала Соня. – Ты хороший. А я тебя била тогда. Больше не буду...

Она усмехнулась улыбкой взрослой и мудрой женщины – все-таки, как я понимаю, Соньке, помимо всего, еще чуть-чуть нравилось изображать из себя взрослую, убитую горем женщину.

– Больше не буду, – кротко усмехнулась она. – Прощай.

И поцеловала Мурата в лоб, как ребенка. Тут поезд тронулся, Соня вскочила на подножку.

Мурат, Картлос и Сонины подруги пошли рядом с вагоном.

– Напиши. Адрес свой напиши. Напишешь? – спрашивал Мурат, идя рядом с подножкой.
– Хорошо, – говорила Соня. – Напишу.

Но это были просто слова – Мурат почувствовал это по ее интонации и уже почти отсутствующему взгляду. Поезд набирал ход, все отстали от вагона, и только Мурат бежал рядом с подножкой, держась за поручень.

– Соня, ты напиши, ладно? Сразу напиши...

– Ты упадешь. Ты же упадешь! Отпусти! – Соня испуганно попробовала разжать его пальцы, вцепившиеся в поручень, а проводница, схватив веник, стала бить его по этой руке.

Да он и сам почувствовал, что уже не может угнаться за поездом и что перрон должен вот-вот кончиться.

– Я люблю тебя! – закричал он вдруг. – Я люблю тебя! – И отпустил поручень в двух шагах от конца платформы.

Поезд уносил Соньку, а Мурат стоял на краю перрона и смотрел ей вслед.

Сзади подошел Картлос, постоял рядом, достал из кармана папиросы «Казбек».

– Закурим? – сказал он, предлагая Мурату открытую пачку.

– Дурак ты... – сказал ему Мурат.

И снова была весна, и, сдав последний экзамен за десятый класс, они гурьбой высыпали из школы – выпускники школы номер 71. Шумной компанией двинулись по улице, а потом перекрестки стали дробить их – ребята по трое, по четверо откалывались от класса и уходили домой...

Мурат, Гога Махарадзе и Сашка Серый шли в обнимку и так же в обнимку свернули на Бондарную улицу.

Гога сказал «до вечера» и нырнул в свой подъезд. Серый погрозил кулаком наверх, в зарешеченное окно своей квартиры, где по-прежнему торчали голые пузики его младших братьев и сестер, пополнившихся за прошедший год еще одним арбузом с хвостиком. Он погрозил им кулаком, потому что из окна по фасаду дома текла подозрительно тонкая струйка. Но угроза не произвела на малышей впечатления, и Серый пошел домой принимать более действенные меры.

А Мурат откинул мальчишкам-футболистам подкативший ему под ноги мяч, потом взглянул на наш балкон и окна – они были закрыты ставнями.

Он посмотрел на эти закрытые ставни, вздохнул и тоже пошел домой – на свою улицу имени русско-украинского писателя Гоголя.

Подойдя к дому, он увидел, что ворота их двора открыты настежь, а там, во дворе, стоит пыльная полуторка. Приехавшие на этой машине дальние деревенские родственники дядя Иман и дядя Рафик с помощью отца, матери и старшей сестры Мурата Бибигиюль сгружали с этой полуторки зеркальный шкаф, тахту и цветные пестрые одеяла. Одеял была целая гора – может, двадцать штук.

Мурат остановился в воротах, не понимая, что это значит, потом окликнул проходившую мимо мать:

– Ма, они к нам жить приехали?

Но тут его заметили приехавшие из деревни дядьки, прыгнули с машины, радостно бросились к нему, принялись обнимать и восхищаться:

– Вай, какой большой стал! Совсем взрослый, слушай!

– Дядя Иман, вы к нам жить приехали? – спросил Мурат.

– Жить? Почему жить? – удивился дядя Иман. И посмотрел на отца Мурата в недоумении.

Отец отвел Мурата в сторону и сказал, что дядя Иман не жить к ним приехал, а привез приданое. Разве Мурат забыл, что он с детства обручен с дочкой дяди Имана? Теперь невесте

исполнилось 16 лет, а он, Мурат, окончил школу. Нет, женить их сейчас никто не собирается. Мурату сначала нужно в институт поступить, а невеста еще в восьмом классе учится, но невесте школу кончать и не обязательно, а вот когда Мурат поступит в институт...

Но Мурат не дослушал. Он бросился в дом, схватил эти пестрые цветные одеяла и потащил назад, к машине. Он устроил нехорошую сцену, он кричал своему дяде Иману, чтобы тот убирался со своим барахлом, и все тащил и тащил из дома во двор эти пестрые цветные одеяла. Мать плакала, хватала его за руки, кричала, что это позор на ее седую голову, но он вырывался из ее рук, и снова бежал в дом, и снова выбрасывал во двор пестрые цветные одеяла.

Дядя Иман стоял, потрясенный обидой.

Отец рассвирепел, подошел к сыну и с размаху дал ему такую оплеуху, что Мурат отлетел к зеркальному шкафу, зеркало хрястнуло и осыпалось вместе с Муратом на эти пестрые одеяла.

– Ишак! – сказал отец Мурату, повернулся и подошел к дяде Иману. – Ничего, – сказал он дяде Иману. – Молодой он просто. Горячий. Ничего. Осенью привози невесту.

Дядя Иман ничего не сказал. Дядя Иман сел в машину, рядом с ним сел дядя Рафик, и они выкатили со двора пустую полуторку. Развернулись и уехали по тихой улице Гоголя, на которой почему-то никогда мальчишки не играли в футбол.

Мурат поднялся наконец с пестрых одеял – сначала на четвереньки, потом и на ноги встал.

Рядом стоял отец, смотрел, как он поднимается.

Замахнулся, хотел дать сыну новую оплеуху, но мать повисла у него на руке, сдержала.

– Вырастила! – сказал матери отец. – Перед такими родственниками позорит! У Имана брат – большой человек!

Обедали в молчании. Долма, приготовленная для гостей, стыла в большом блюде.

Мурат сидел рядом со своей старшей сестрой Бибигюль, на лице у него вздулся синий фингал, ухо отекло.

– Ты невесту видел? – спросил отец.

– Не видел, – хмуро сказал Мурат.

– А не видел – зачем отца позоришь? Зачем мать позоришь? Сестру? Невеста красавица, слушай, шестнадцать лет! Дядя ее – большой человек, начальник треста. Что я тебе – плохое хочу?

– Не женюсь я, – хмуро сказал Мурат. – В армию пойду.

– Я тебе пойду! – пригрозил отец. – Про сестру свою думаешь? Пока ты не женишься, она замуж выйти не может. А ей уже двадцать лет, совсем старуха.

– Пускай выходит, да! – сказал Мурат.

– Ты меня не учи! «Пускай выходит!» Она тебя ждет, порядок такой.

– Она с Ашотом встречается, а не меня ждет, – сказал Мурат.

– С каким Ашотом? – Отец отложил ложку.

– С Айрапетяном, футболистом из ереванской сборной. Я их в «Динамо» видел.

Отец повернулся к Бибигюль, сказал просто:

– Убью!

– А он с Сонькой встречался с Бондарной улицы, – сказала Бибигюль. – Она старше его на четыре года.

– Русская? – спросил отец.

Мурат молчал.

– У нее мать из Белоруссии, а отец русский. Он в нее уже два года влюблен, – мстительно сказала сестра.

– Поэтому жениться не хочешь? – спросил отец у Мурата.

Мурат опять молчал.

– Так... – сказал отец. – С Бондарной улицы? Это не та, которая мать на нашей земле хоронить не стала?

– Они ее на родине похоронили, рядом с отцом, – сказал Мурат.

– На нашей земле жили, а как хоронить – так тут им не родина, – сказала Бибиголь.

– А ты молчи! – сказал отец. – Я тебя убью за футболиста. Ты что – среди нашей нации не можешь себе найти футболиста? – И повернулся к Мурату. – Вы нас с матерью тоже на родину повезете хоронить, в деревню, рядом с отцами положите, ясно?

– Отец, ты что говоришь?! – испуганно сказала мать.

– Я знаю, что говорю, – сказал отец. – Им не сказать, они не только отца с матерью рядом не похоронят, они вообще свою нацию забудут. Другие, видишь, – родителей на родину везут хоронить, соблюдают нацию, а эти! Футболисты! Женишься на дочке Имана! – сказал он Мурату и повернулся к дочери. – А ты найди себе из нашей команды...

– Не женюсь я, – сказал Мурат.

Отец посмотрел ему в глаза, но Мурат выдержал взгляд. Отец усмехнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Если ты так любишь эту с Бондарной улицы, приведи ее в дом, я хочу на нее посмотреть.

– Отец! – испугалась мать.

– Ничего, пусть приведет, – сказал отец. – Познакомимся, да! – И усмехнулся.

– Нет ее тут, – сказал Мурат. – Уехала она, в Белоруссию.

– А поезда ходят, – сказал отец. – Я деньги на машинке не печатаю, но билет на поезд еще могу купить...

– Отец! – испугалась мать. – Ты что делаешь?

– Ну, если ему наша невеста не подходит, пусть свою привезет, – сказал отец. – Если только сможет... – Он посмотрел на Мурата и добавил: – А не сможешь привезти – женишься на дочке Имана. Я сказал.

Мать запричитала, что это будет позор на ее седую голову – отказаться от невестки своей нации, взять невестку другой нации...

Отец подошел к ней, положил руку на плечо, сказал усмехаясь:

– Айши, не плачь. Что она, дура, что ли, – с таким мальчишкой ехать?! Если она мать так похоронила – значит, уже не дура, а взрослый человек. А взрослому человеку зачем муж мальчишка? Он один вернется, мать, все хорошо будет.

– Один не вернусь, – сказал Мурат.

– Езжай, посмотрим, – сказал отец.

Поезд грохотал на стыках рельсов, нагнетая скоростью и грохотом беспокойство и нетерпение в мальчишеской, по сути, душе Мурата. «Трата-та! Трата-та! Трата-та!» – все убыстрял свой ход поезд, и если перевести это на язык музыки, то композитор на нотах этого «трата-та» написал бы сверху: «аллегро», «еще аллегро», «аллегро как только можно!»

А потом сразу стало тихо-тихо.

Мурат сидел в зелени тихой поселковой улицы крупного белорусского колхоза «Рассвет».

На другой стороне улицы была двухэтажная музыкальная школа, оттуда доносились негромкие звуки фортепиано и скрипки, а посреди улицы купались в пыли куры, и у водопроводной колонки гуси пили воду, задирая к небу длинные шеи.

Где-то вдали, за поселком, прошумел поезд.

Мимо Мурата прошли девчонки лет по четырнадцать, с любопытством оглянулись на этого непривычно «чернявого» парня, сидевшего на лавочке у плетня яблоневого сада.

Потом по улице промчался мальчишка-велосипедист, он ехал, продев ногу в велосипедную раму. Увидев Мурата, он оглянулся и чуть не наскочил на гусей...

Спустя еще минуту мимо Мурата прошли какие-то старухи, тоже оглянулись: «Турок, что ли?» – «Да нет, цыган»...

Наконец в музыкальной школе прозвенел звонок, и оттуда высыпали дети – со скрипками, с нотными папками в руках. Эти тоже не миновали Мурата. Девочка лет семи, первоклассница, остановилась напротив Мурата и стала молча и сосредоточенно разглядывать его. Долго разглядывала.

От этого всеобщего внимания Мурату было не по себе, но он молчал, терпел.

Наконец вышла Соня.

Увидев Мурата, изумленно остановилась.

Он встал, направился к ней. Девочка-первоклассница молча двинулась за ним. Как привязанная.

– Прилука, иди домой, – сказала девочке Соня.

Девочка посмотрела на нее, словно очнулась ото сна. Покраснела и убежала.

– Здравствуй, – сказал Мурат Соне.

– Здравствуй. Как ты меня нашел?

– Нашел, – сказал Мурат. – Я за тобой приехал.

– Как это? – не поняла Соня.

В окнах окружающих хат торчали любопытные женские головы. Мурат посмотрел на эти прислушивающиеся к их разговору лица, спросил:

– Ты тут где живешь?

– Я... – Соня чуть замялась, потом сказала: – Пойдем сюда.

Она завела его во двор музыкальной школы, там в саду стояла беседка. Соня села на скамью, показала ему место напротив себя.

– Садись.

Они были вдвоем, вокруг – стена плотной зелени. И Мурат не удержался, порывисто потянулся к Соне.

– Соня!

– Не нужно. Подожди. Сядь, – мягко и грустно остановила его Соня. – Сядь. Слушай.

Он сел, но слушать не стал.

– Почему ты не писала? – сказал он.

Она смотрела на него, как смотрят взрослые женщины на что-то далекое и грустно-прекрасное. Потом сказала:

– Послушай. Ты молодой. Ты ведь еще совсем молодой. Тебе еще рано...

– Не рано! – перебил он. – Мне уже восемнадцать лет. Через четыре месяца. Отец сказал, если ты приедешь...

– Подожди, подожди! – попросила Соня с какой-то мукой в голосе. – Глупый... – Она вздохнула: – Я замужем, Мурат, я тут вышла замуж.

Он смотрел на нее молча, одеревенев. Потом встал. И на деревянных ногах пошел из беседки.

– Мурат! – позвала она. – Мурат...

Он не оглянулся.

А она не стала звать его больше – что она могла сказать ему? Она сидела в беседке и плакала, сама не зная почему...

Где-то вдали, за поселком, прогудел поезд, а по зеленой деревенской улице, где купались в пыли куры и гуси пили воду, вытягивая к небу длинные шеи, от Сони уходила молодость – ее южная беззаботная молодость...

Поздним вечером пришел с работы муж. Ему было 28 лет, он работал хирургом в местной больнице. На столе его ждал остывший ужин, а Соня сидела по другую сторону стола, проверяя

нотные тетради – диктанты по сольфеджио. В стороне от тетрадей лежал вскрытый почтовый конверт.

– От брата? – спросил у Сони муж, подойдя к умывальнику и принимаясь по профессиональной привычке долго и тщательно мыть руки.

– Да, – сказала Соня.

– Ну, можно поздравить?

– Нет, – сказала Соня.

Он удивленно повернулся к ней.

– Наверно, он провалился на экзаменах, – сказала Соня.

– Но он же прошел творческий конкурс...

– А потом – экзамены, – грустно сказала Соня. – Пишет, что его взяли на работу в газету, стажером. Уже напечатал одну статью...

– Н-да... – неопределенно сказал муж. – Где же он живет?

– Пока у какого-то приятеля. Я поеду к нему на каникулы.

– Ну-ну... – Он вымыл наконец руки, сел к столу, вздохнул: – Устал. Даже есть не хочется...

Она вопросительно глянула на него.

– Парня одного привезли, – сказал он. – Я уже домой уходил, и так две операции было сегодня, и вдруг привезли. То ли с поезда упал, то ли сам бросился – трезвый совершенно. Между прочим, земляк твой. Расулов фамилия.

Соня в ужасе посмотрела на него.

– Как ты сказал? – медленно произнесла она.

– Я говорю, земляк твой. Расулов фамилия. – Он принялся есть.

– Что с ним?

– Ребро сломал и вообще – побился. Но ничего, жив, я его заштопал. Ты чего? – Он удивленно перестал есть, глядя, как Соня вскочила с места, заметалась было по комнате, собираясь то ли переодеться, то ли набросить что-то на себя, а потом – как была в домашнем халате – бросилась из комнаты.

– Соня!

Но она уже выбежала из дома.

Она прибежала в больницу запыхавшаяся, с растрепанными от бега волосами. С трудом переведя дыхание, спросила у дежурной медсестры:

– Где он?

– Домой ушел, час как ушел, что с вами? – удивилась та.

– Кто ушел?

– Ну, муж ваш, Олег Павлович...

– Расулов где? Расулов, мальчик!

– А, мальчик! В боксе он, спит.

– Проводи меня...

Медсестра, недоумевая, провела ее в бокс – маленькую палату. На ходу говорила:

– Олег Павлович ему операцию сделал и швы наложил, спит он теперь... Чернявый такой, грузин, наверно... Вот он тут.

– Сама ты грузинка, – сказала Соня и открыла дверь палаты.

На койке – перебинтованный, с пластырями на лице и с запекшимися губами – спал Мурат.

Соня вошла, села рядом с койкой на стул.

Молча смотрела на спящего Мурата.

Медсестра мялась в двери, потом кашлянула.

– Иди, Зоя, я посижу... – сказала Соня.

Медсестра ушла, а Соня продолжала сидеть. Во сне Мурат чуть поморщился от боли – видно, у него еще горело от ушибов лицо.

Соня наклонилась к нему и тихо, почти неслышно поцеловала сначала рассеченную бровь, потом – пластырь на лбу, расцарапанную щеку...

Он вздохнул во сне и словно улыбнулся. Она отстранилась. Потом медленно встала, вышла из палаты и тихо закрыла за собой дверь.

По коридору больницы навстречу ей шел озабоченный муж, его сопровождала медсестра.

– Что случилось? – спросил он у Сони. – Ты знаешь этого парня?

– Знаю, – сказала Соня. – Он приезжал ко мне.

– К тебе? – удивился он. – Зачем?

Она посмотрела на него, потом сказала медсестре:

– Зоюшка, когда он проснется, ты не говори ему, что я была. Он будет спрашивать – ты не говори, ладно? А утром я ему с Олегом Павловичем завтрак пришлю. Но ты скажешь ему, что это такой... ну, больничный завтрак, ладно? – Соня посмотрела на мужа и сказала ему: – Пока он будет лежать, я буду ему готовить. Только не говори ему, что ты мой муж...

– Ну хорошо... – пожал плечами муж. – А кто он тебе?

– Теперь это уже не имеет значения, Олик, – грустно сказала она. – Сколько он будет лежать?

– Перелом ребра. Месяц, – сказал муж. – Ты же собиралась ехать в Москву, к брату.

– Значит, не поеду.

Осенью, когда тутовые деревья осыпают на тротуары нашего города спелые мохнатые ягоды и на улицах не встретишь ни одного незагорелого человека, перед зданием университета собирается огромная толпа бледнолицых юношей и девушек. Это – абитуриенты, сдавшие последний экзамен и теперь лихорадочно отыскивающие свои фамилии в списках зачисленных в институт.

В этой клокочущей всеми страстями – от буйной радости до безутешных девичьих слез – толпе прорваться к спискам так же нелегко, как к кассам кинотеатра во время очередной недели арабского фильма.

Мурат, Гога Махарадзе и Серый все же протиснулись к спискам принятых на физико-математический факультет.

Список был невелик – фамилий тридцать, столбиком, и фамилии были в нем не в алфавитном порядке, а по числу баллов, которые набрали абитуриенты, – сначала шли фамилии тех, кто набрал 25 баллов, потом – 24 (и среди них фамилия Сашки Серого), а в самом конце списка стояли две фамилии – какой-то Аверидзе и Расулов М., то есть Мурат.

– Приняли! – радостно бросился в объятия Серого Мурат и тут же оглянулся на опечаленного Гогу Махарадзе. – Слушай, а где твоя фамилия?

Вдвоем с Сашкой Серым они опять провели пальцем по списку, но фамилии Махарадзе в нем не было.

– У тебя ведь тоже 23 балла! – сказал Мурат с недоумением.

Гога в ответ пожал плечами.

– Это ошибка, – решительно сказал Мурат. – У меня 23 балла – меня приняли, у тебя 23 балла – тебя не приняли. Нет, это ошибка. Пошли к декану! – И, схватив Гогу за руку, Мурат потянул его сквозь толпу.

* * *

Декан сидел в своем кабинете, возвышаясь над письменным столом, как усталый монарх после изнурительной, но победоносной битвы с вандалами. На столе перед ним лежали гроздь спелого винограда «шаны», в открытое окно тянулась тутовая ветка, полная, как сказал бы Юрий Олеша, плодов и листьев.

Монарх, то бишь декан, чем-то похожий на киноартиста Этуша, блаженствовал от разом наступившего после экзаменов затишья. Впереди была, конечно, полоса дипломатических переговоров, то есть скандалов, с родителями абитуриентов, не принятых в институт, слезы, угрозы, истерики, но все это начнется через несколько часов, когда только что вывешенные списки станут известны этим родителям. А сейчас можно было передохнуть. Поэтому декан говорил, растягивая каждое слово, словно разжевывая отдельно каждую ягоду винограда «шаны».

– Расулов... Расулов... – сказал он Мурату, стоявшему вместе с Гогой и Серым в двери его кабинета. – Слушай, Расулов, а сколько у тебя по математике?

– Пять, – ответил Мурат.

– А почему 23 балла набрал?

– По английскому тройка...

– Теперь ты, Махарадзе, скажи – у тебя сколько по математике?

– Тройка, – понуро сказал Гога Махарадзе.

– Но у него по всем другим отлично, – сказал Серый.

– Совершенно правильно, – доброжелательно сказал декан. – Значит, если бы я был деканом факультета иностранных языков, я бы из них двоих кого принял в первую очередь? Тебя, Махарадзе. Но ты, дорогой, поступал на физико-математический факультет. Таким образом, если для тех, кто набрал 23 балла, оставалось только два места, кого я должен был принять в первую очередь? Того, у кого пятерка по математике. То есть Расулова. Логично я рассуждаю?

– Логично... – понуро согласился Махарадзе.

– Ну вот видишь, дорогой. Значит, на следующий год выучишь математику – приходи.

– Его на следующий год в армию призовут, – сказал Мурат.

– Очень хорошо, – сказал декан. – Наша армия – это большая жизненная школа, дорогой. Захочет – после армии придет к нам учиться. Мы после армии с большим удовольствием в первую очередь принимаем. Еще есть вопросы?

– Нету больше. До свидания, – сказали ребята и открыли дверь, чтобы уйти.

– До свидания, – сказал им декан. – Студент Расулов, задержитесь.

Мурат удивленно остановился в дверях. Гога и Серый вышли.

– Проходи, студент Расулов, садись, дорогой, – сказал декан и показал на кресло напротив себя. – Значит, когда свадьбу сыграешь? Бери виноград, угощайся.

– Какую свадьбу? – не понял Мурат, присев напротив декана в кресло.

Декан посмотрел на него пристально.

– Твоя фамилия Расулов?

– Расулов.

Декан достал из кармана блокнот, заглянул в него, спросил:

– Мурат?

– Мурат.

– Все правильно. Напугал ты меня, слушай. Я думал, перепутал. У тебя в Рашкесане есть дядя Иман?

– Есть, – подтвердил Мурат в недоумении.

– У него двоюродный брат начальник треста есть?

– Есть...

– И как его фамилия?

– Не знаю, – сказал Мурат.

– Нехорошо, – сокрушался декан. – Таких родственников не знать фамилию – очень плохо, дорогой. Его фамилия Гаджили, понимаешь?

– Понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Ну, что его фамилия Гаджили... – сказал Мурат.

– Слушай, у тебя совсем нет логического мышления, дорогой. Я это еще на экзаменах заметил. Моя фамилия тоже Гаджили, теперь понимаешь?

– Нет.

– Ой как плохо! Двоюродный брат отца твоей невесты – мой двоюродный брат, понимаешь! Значит, вручая тебе студенческий билет, я тебе, как своему будущему племяннику, делаю скромный свадебный подарок. Когда свадьбу играешь?

Мурат помолчал, потом вскинул глаза, спросил в упор:

– Значит, меня приняли в институт по блату? Только потому, что я женюсь на дочке дяди Имана?

Декан откинулся в кресле, сказал укоризненно:

– Слушай, зачем такие слова говоришь? Мы в институт по блату никого, между прочим, не принимаем. Это я тебе честное слово даю. А что касается помощи – так я тебе на математике задал один наводящий вопрос.

– Два, – сказал Мурат.

– Ну, два наводящих вопроса, – согласился декан. – Я же за тебя не сдавал экзамен. Ты сам за себя сдавал экзамен. Я только на английском экзамене ужасно переживал – там я тебе ничем не мог помочь. Я русский язык знаю, фарси знаю, немножко французский знаю, а английский совсем не знаю. Но, слава Аллаху, ты же не двойку получил. И вообще, слушай, о чем мы говорим? Ты уже студент, через пять лет дядя твоей жены, может быть, совсем большой пост будет занимать, а ты уже будешь инженер, тебе руководящую должность можно будет доверить, логично я рассуждаю?

– Логично, – сумрачно согласился Мурат. – Я могу идти?

– Конечно, можешь, дорогой. Иди готовься к приезду невесты. Хорошо встретить невесту – это, мой дорогой, тоже для мужчины большой экзамен. Там наводящий вопрос никто не задаст...

Мурат хмуро шел по коридору университета. Возле двери с вывеской «Приемная комиссия» стояла очередь ребят и девушек. Среди них был и Гога Махарадзе. Из приемной комиссии бывшие абитуриенты выходили с папками в руках – со своими документами. Мурат подошел к Гоге.

– А где Серый? – спросил Мурат у Гоги.

– Домой пошел, там же волнуются, – хмуро сообщил тот.

– А-а, – протянул Мурат.

Очередь быстро продвигалась – ребята называли свои фамилии, и девушка-секретарша легко находила на полке папки с их документами.

– Карасева, – назвалась стоявшая впереди Гоги девушка.

– Карасева... Карасева... – повторила секретарша, нашла на полке папку с надписью «Карасева» и подала ее девушке. – Аттестат, две справки, три фотокарточки. Распишитесь. Следующий...

Девушка расписалась, а Гога сказал:

– Махарадзе.

– Махарадзе... Махарадзе... – повторила секретарша и нашла папку с его документами. – Аттестат, две справки, три фотокарточки. Распишитесь. Следующий.

– Расулов, – сказал ей Мурат.

– Ты что? – изумился Гога.

– Расулов... Расулов... – автоматически повторила секретарша. – А ваших нет документов. Расулов? Разве вас не приняли?

– Да приняли его, он вас разыгрывает, – сказал Гога.

– Слушай, ты чего – издеваться сюда над нами пришел? – спросил парень, стоявший за Муратом.

Но Мурат не ответил ему, спросил у секретарши:

– А если меня приняли, где сейчас мои документы?

– В отделе кадров, – ответила она.

– Ты ишак, ты идиот, сумасшедший! – говорил Гога, торопясь за широко идущим по улице Муратом.

Под мышкой у Мурата была папка с его документами, шел он молча и целеустремленно.

– Клянусь отцом, клянусь матерью, ты – самый большой ишак в моей жизни! – не отставал Гога. – Ты что думаешь – тебе за это памятник поставят? Куда ты?

Мурат резко свернул с тротуара в открытые двери парикмахерской. Клиентов в парикмахерской не было, тут было прохладно и тихо, и три парикмахера в глубине салона неторопливо пили чай из тонких гнутых стаканчиков «армуды». На появление Мурата и Гоги они никак не отреагировали.

Мурат сел в свободное кресло, спросил у вошедшего следом за ним Гоги:

– Мы к экзаменам вместе готовились?

– Ну, вместе, – сказал Гога. – Ну и что?

– Он тебе на математике какие вопросы задавал?

– Ну, какие вопросы? Обыкновенные вопросы.

– Врешь! Он тебе трудные вопросы задавал. Он тебя срезал. А меня вытащил. Из-за кого? Из-за моей невесты. Это честно?

– Слушай, ты дурак, честное слово, – сказал Гога. – Математику мы оба плохо знаем. Так хоть бы ты учился, а так – ни ты, ни я. К тебе невеста приезжает – ты об этом думаешь?

– Думаю. Не нужна мне невеста. Не буду я жениться.

– Как это? – удивился Гога.

– Так. Не буду и все. Я в армию уйду! Мастер! – позвал он парикмахера.

Но парикмахеры продолжали пить чай, и оторвать их от этого серьезного занятия могло лишь землетрясение или футбольный матч «Нефтяника» с ереванской сборной.

– В какую армию? – сказал Гога. – Нам еще восемнадцати нет!

– Мастер! – снова нервно позвал Мурат.

– Зачем тебе стричься? – сказал Гога. – Мы только стриглись, перед экзаменами.

– Ара! Есть тут мастер или нет? – взорвался Мурат.

Один из парикмахеров допил чай, встал, подошел к креслу с Муратом.

– А, что кричишь? – сказал он. – Пожар?

– Пожар. Полчаса уже ждем.

– Пах-пах-пах! Полчаса! Как стричь будем?

– Наголо!

– Как наголо? – изумился Гога.

– Совсем наголо? – спросил парикмахер.

– Нет, пополам! – сказал Мурат.

– Зачем, Мурат? – сказал Гога.

- Ты хорошо подумал? – спросил парикмахер.
- Да! Подумал! – закричал Мурат в бешенстве. – Стриги, ара! Стриги!

Парикмахер, пожав плечами, включил машинку для стрижки и пропахал ею первую широкую борозду в пышной шевелюре Мурата.

Военкому было не больше сорока. Поскрипывая хромовыми офицерскими сапогами, он прошелся по кабинету, потом неожиданно срезал угол и сел на край своего письменного стола, доверительно сказал Мурату:

– Слушай, Расулов, не морочь мне голову. Раньше срока никто в армию не просится. На каком она месяце?

– Кто? – в недоумении сказал Мурат. Обритый наголо, он сидел на стуле перед письменным столом военкома, в руках комкал отцовскую кепку.

– Ну, кто-кто! Невеста твоя. На которой ты жениться не хочешь. Сколько ей осталось?

– До чего?

– Слушай, ты из себя мальчика не строй! – начал злиться военком. – Тут военкомат! Тебя в институт приняли? Приняли! Другие за это – знаешь? Последние штаны готовы... просидеть в библиотеке. А он – в армию! Ну! Только давай как мужчина с женщиной. Ну?

– Что «ну»? – спросил Мурат в прежнем недоумении.

Военком встал, обошел вокруг стола и сел в свое кресло. Пристально посмотрел на Мурата.

– Слушай, а может, ты это? – Он покрутил пальцем у виска, потом подвинул к себе папку с документами Мурата, полистал. Но документы были в порядке, и в медицинской справке во всех графах значилось «годен», «годен», «годен». Военком закрыл папку, снова поднял глаза на Мурата. – Значит, ты хочешь сказать, что у тебя с этой невестой ничего не было? Сколько ей лет?

– Шестнадцать.

– Шестнадцать! – заинтересовался военком. – Красивая?

Мурат пожал плечами:

– Ничего, наверно.

– Так в чем дело? – спросил военком.

– Ну... – сказал Мурат через силу. – Не люблю я ее.

– Так. И что?

– Ну и все.

– Как все? – удивился военком. – Ну, не любишь, ну и что? Сейчас не любишь, женишься – будешь любить, да! Красивая же!

– Не буду, – сказал Мурат.

– Откуда знаешь!

– Не буду. Знаю.

– Нет, ты мне не темни, не темни. Раз откровенный разговор – откровенный разговор. Ну, в чем дело?

– Ну, я другую люблю, – признался Мурат через силу.

Военком оживленно вскочил и вернулся на край своего письменного стола, поближе к Мурату.

– Вот! Вот теперь другое дело! Все ясно. На каком она месяце?

– Кто? – не понял Мурат.

– Ну, другая, кто?! – нетерпеливо сказал военком.

– Замужем она, – хмуро сказал Мурат.

– Как?! – изумился военком – Тебе еще восемнадцати нет, а ты уже любишь женщину, которая замужем?

– Ара, не люблю уже! – в отчаянии выкрикнул Мурат. – Не люблю! Ни ту не люблю, ни эту!

Военком некоторое время задумчиво смотрел на Мурата, потом сказал:

– Ну ты даешь! Вот молодежь пошла! Прыткие стали! Я замужнюю женщину первый раз знаешь когда полюбил? Ц-ц-ц! Смотрю на тебя – сколько я времени потерял!

– Пустите меня в армию! – попросил Мурат.

– Н-да... Запутался ты, Расулов, вот что я вижу. Но ничего! Ты еще молодой, правильно делаешь, что в армию идешь. Армия – это закалка. Эх, мне б твои годы! Я бы – и-эх! Но не огорчайся – настоящая любовь у тебя впереди! И не одна!

И он действительно ушел в армию. Неделю обивал пороги кабинетов военкомата, принес дюжину медицинских справок о здоровье, три характеристики из спортклуба «Динамо» и школы № 71, написал шесть заявлений и добился-таки своего – его взяли в армию на два месяца раньше срока.

Печатные машины, вращая огромными металлическими барабанами, швыряли на конвейеры кипы свежей газеты. Вместе с этим потоком уходило время – день за днем, газета за газетой, номер за номером.

В тот вечер я дежурил по очередной своей небольшой статье, которая стояла на третьей полосе, и сидел внизу, в типографии, в комнате, отгороженной от типографского шума стеклянной стеной. Комната была большая, залитая, как и вся типография, светом неоновых ламп, за столами трудились над своими полосами такие же, как я, дежурные сотрудники редакции. Мы отыскивали на сырых еще полосах последние ошибки, впопыхах меняли заголовки и т. д.

Наконец без семи девять главный редактор подписал третью полосу в печать, мое дежурство кончилось. Я сказал своим коллегам привычное «до завтра» и пошел домой. Жил я тогда на квартире своего приятеля, уехавшего на полтора года в одну из южноафриканских стран в качестве корреспондента нашей газеты.

От редакции до его дома было шесть остановок троллейбусом, но сначала я зашел в гастроном, запасся холостяцким ужином – сыром, колбасой, пачкойпельменей, бутылкой кефира и батоном белого хлеба. Потом поехал домой. Лифта в доме у моего приятеля не было, я поднялся на третий этаж пешком.

На площадке третьего этажа перед дверью моей квартиры сидела на чемодане Соня. Прислонившись спиной к стене, она дремала – видимо, ждала меня давно.

Я удивленно остановился.

– Соня!

Потом она с любопытством оглядывала квартиру. Тут было на что посмотреть – мой приятель не раз бывал в командировках за рубежом, особенно в Африке, и в доме у него было полным-полно африканских масок, статуэток из черного дерева, диковинных цветов в горшках и кадках. И еще были четыре клетки с глухонемыми попугаями, драчливыми канарейками и ярко-розово-синей птицей, название которой я никогда не мог запомнить. У ног Сони терся старый ангорский кот Сидор.

– И надолго уехал хозяин? – спросила Соня.

– На полтора года, – сказал я.

– А когда он вернется, где ты будешь жить?

– Ну, найду себе что-нибудь другое...

– Но это, наверно, очень дорого. Сколько ты ему платишь?

– Ничего не плачу. Обычную квартплату.

– Врешь, – сказала Соня. – За такую квартиру...

– Почему врешь? Они же не могли все это бросить. Цветы, птицы, Сидор, наконец... – ответил я несколько нервно.

– А-а... – грустно протянула Соня. – Понятно. Ты тут поливаешь цветы...

– А ты надолго приехала? – перевел я разговор. – Разве сейчас каникулы?

– Я приехала насовсем, Петя. Я ушла от мужа.

– Как это? Почему? – оторопел я.

– Потому что он тупой. Тупой, понимаешь?

– Но ведь он тебя любит, ты сама писала.

– Мало ли что я писала! Я могу здесь пожить?

– Конечно! О чем ты спрашиваешь?! Соня, но как же так?

– Так, Петя, так... Не будем об этом... Ты служил в армии, а я жила там одна, совершенно одна... Он добрый человек, он всегда ходил со мной на могилу к нашим, а потом... сделал предложение, ну и... я ведь была совсем одна, понимаешь?

– Сонька! – сказал я и обнял ее, и стал целовать эти печальные горькие глаза И вдруг почувствовал – руками, которыми обнимал ее, – что она как бы оплывает, как бы оттаивает и все то, что, видимо, накопилось в ее одинокой душе за последнее время, вот-вот хлынет наружу слезами облегчения и муки. – Соня! – сказал я с болью.

И она заплакала. Она заплакала у меня на плече и стала порывисто, наобум целовать меня в шею, в глаза, в щеки, приговаривая:

– Петька! Петька! Петенька!!!

...Плакала ли когда-нибудь ваша родная сестра на вашем плече?..

– Сонь, перестань... Сонь, перестань, успокойся... Милая моя. Все. Все прошло. Ты будешь жить здесь. Мы будем вместе, слышишь? – Я гладил ее по голове и вдруг увидел в ее пышных волосах одинокий седой волос. – Что это, Соня?!

– Ерунда, – сказала она, вытирая слезы. – Ерунда. Почему тебя не приняли в институт? Ты же прошел конкурс.

– Ну, не приняли и плевать, – сказал я. – Поступлю на вечерний. Поработаю в газете и поступлю. И вообще, на писателей не учат. Я начал прозу писать, Соня. В одном журнале обещают напечатать мой рассказ. Тогда я куплю тебе путевку, тебе нужно отдохнуть. А потом мы что-нибудь придумаем...

– Глупый, – сказала она. – Я уже все придумала, сама. Смотри. – Она достала из сумочки какое-то письмо. – Меня уже пригласили работать в Шатуру, в музыкальную школу. Это под Москвой, двести километров. Мы будем видеться каждое воскресенье. Мы теперь всегда будем вместе, хорошо? Нас ведь только двое осталось, Петя...

И как назло, именно в этот момент раздался звонок в прихожей.

– Кто это? – спросила Соня.

Я знал, кто это, но сделал вид, что не знаю, – пожал плечами и пошел открывать дверь. Конечно, это была Ирка.

– Привет, – сказала она, шагнув через порог. – Извини, я задержалась, столько народа в метро! Из театров, что ли, едут...

– Футбол сегодня, – сказал я.

Она сбросила пальто и тут увидела Сонин чемодан.

– Чей это? – сказала она.

– Идем, я познакомлю тебя с моей сестрой, – сказал я.

– А может быть, я... – Она потянулась к пальто, собираясь уйти.

– Идем, – сказал я и провел ее в комнату. – Познакомься, Соня, это Ира.

Только женщины могут так коротко, одним взглядом охватить друг друга. Впрочем, они церемонно пожали друг другу руки, сказали «очень приятно». Ирка еще добавила:

– А вы очень похожи. Петя, можно тебя на минутку, по делу... Я ведь на бегу заскочила, я очень спешу... – И увела меня на кухню. Там, закрыв за собой дверь, она сказала: – Мог бы предупредить, я ехала через весь город.

– Я сам не знал. Она только приехала. Но не в этом дело. Ты можешь остаться.

– Еще чего?! Надолго она?

Я пожал плечами, сказал:

– Ириш, слушай. Мне нужны билеты – в филармонию, в театр, а до зарплаты еще неделя.

А она уже год как нигде не была...

– Ясно, – прервала она и открыла сумочку. – Тридцать рублей. Если не хватит, я еще достану, у мамы...

Она протянула мне деньги.

– Ну, тридцать – это много... – замялся я.

– Возьми, – приказала она.

– Когда напечатают мой рассказ... – начал было я.

– Ладно тебе! – перебила она. – Рассказ! Если напечатают, я куплю тебе коньяк, а ты купишь себе костюм или пишмашинку.

– Спасибо, – сказал я, пряча деньги в карман, и протянул руку, чтобы открыть дверь из кухни.

Но Ирка удержала меня. Я вопросительно поглядел на нее.

– Идем, ведь неудобно, – сказал я.

Но она молча и ожидающе смотрела мне в глаза.

– Ты псих, – сказал я. – Ты просто псих.

– Ага, – сказала она и притянула меня к себе, обняла и поцеловала. Потом, прильнув ко мне всем телом, поцеловала еще и еще раз. И тихо сказала: – Петя, я останусь, а? Ведь тут две комнаты. Я люблю тебя, Петь...

– Ну не сегодня же, Ира. Ты сама понимаешь...

– Да, понимаю, я понимаю. Я просто дура... А я пойду с вами в театр?

– Конечно, – сказал я. – Идем, неудобно.

Мы вышли из кухни. Соня сидела на диване, опустив руки на колени и глядя в пол. У ног ее терся Сидор, но вряд ли она сейчас видела его.

Услышав наши шаги, она подняла на меня далекие печальные глаза. Но я почему-то отвел свой взгляд, мне было неловко сейчас встречаться с Сониными глазами.

Пять дней в неделю она учила шатурских ребятишек музыке, а на шестой садилась в электричку и ехала в Москву, ко мне. Гаммы, многоголосые фортепианные гаммы летели вслед за поездом. Соня везла их в себе, и еще она везла мне смешные и грустные рассказы о своих маленьких учениках. Это были забавные истории, они вполне могли бы продолжить знаменитую книжку Чуковского «От двух до пяти» – среди пятнадцати Сониных учеников было трое семилетних проказников и проказниц, одаренных музыкальным слухом, и каждый раз Соня привозила с собой новости об их детских выходках, смешных словечках, трогательных и дерзких поступках...

В этих ее рассказах я улавливал скрытую Сонькину тоску по собственным детям, я чувствовал, что там, в своей музыкальной школе, она в течение этой рабочей недели – с понедельника до пятницы – не только учит детей гаммам по учебнику Черни, но отдает им весь запас ласки и доброты своего уже взрослого и одинокого сердца. А в субботу она садится в электричку и едет ко мне, и гаммы, фортепианные гаммы Черни еще звучат в ней, еще бегут следом за ней и за поездом и галками сидят вдоль дороги на телеграфных проводах...

В ту субботу она тоже ехала в Москву.

Она сидела у окна, заснеженные поля Подмосковья плыли навстречу поезду, а потом их заслонил какой-то грузовой состав, догнавший электричку. На платформах грузового состава были укрытые брезентом армейские тягачи и гаубицы, и на каждой из этих платформ сидело по солдату сопровождения – они были в полушубках и прятались от встречного ветра за станинами гаубиц или в кабинах вездеходов.

Состав стал обгонять электричку. Соня опустила глаза к книге.

– Сумасшедший! Он же убьется! – вдруг громко сказала женщина, сидевшая рядом с Соней.

Соня удивленно взглянула на нее, потом – проследив за ее взглядом – посмотрела в окно.

По платформе воинского эшелона, обгоняющего их электричку, размахивая руками и что-то крича, бежал солдат. Он бежал назад, к концу платформы, потом перескочил на следующую и оказался напротив окон Сониного вагона. И она увидела, кто это. Это был Мурат.

Воинский состав вдруг сбавил скорость (или, наоборот, электричка пошла быстрее), но так или иначе – грузовая платформа с Муратом вдруг стала отставать. На ней, подавшись всем телом вперед, стоял Мурат, безмолвно смотрел на Соню.

А она смотрела на него, ничего еще не соображая, не понимая, как он тут оказался. Они видели друг друга какую-то секунду-две, а потом воинский эшелон стал отставать, и Сонин вагон унес ее от Мурата.

* * *

По платформам, перебираясь через тамбуры и буферные сцепления, на платформу Мурата пришел старшина.

– Расулов, – сказал он. – За самовольную отлучку с боевого поста – два наряда вне очереди.

– Хорошо, – сказал Мурат, сидя на станине гаубицы и глядя вслед укатившей электричке.

– Что хорошо? – разозлился старшина. – Как отвечаешь?

– Есть два наряда вне очереди, – безразлично сказал Мурат, не отрывая взгляда от клубящегося за хвостом электрички снега.

Старшина сел рядом с ним на станину, спросил:

– Ты кого там увидел?

– Никого... – пусто ответил Мурат. Он уже не видел электричку, она скрылась за поворотом, а воинский эшелон плелся еле-еле, ожидая, видимо, зеленого светофора.

– Чокнутый ты, что ли? – сказал старшина.

– Ага, – сказал Мурат.

Тут по их составу пронеслась судорога резкого рывка – наверно, их составу дали зеленый и машинисты перевели контроллер на «полный вперед». Состав стал набирать скорость.

Мурат грустно глядел на замелькавшие рядом домишки приближающейся станции.

Воинский состав подошел к станции на полной скорости и, не сбавляя ее, мчался дальше, без остановки.

И вдруг на пустом перроне Мурат увидел Соню.

Она стояла одна, одна на пустом заснеженном перроне, мимо нее мчался гроыхающий воинский состав.

– Соня! – заорал Мурат, срываясь с места. – Соня!

Она увидела его, но в то же мгновение его платформа промчалась мимо.

Старшина успел схватить Мурата за рукав полушубка, но Мурат вырвался, побежал по платформе назад, перескочил на следующую платформу и помчался по ней, огибая орудия и крича:

– Соня!!! Соня!!!

Где-то на третьей или четвертой платформе солдаты все же схватили его, повисли на этом обезумевшем мальчишке.

– Соня!!! – Он рвался у них из рук и вдруг, сорвав с головы шапку, бросил ее на проносившийся возле платформы перрон.

Таким она и запомнила его – уносящимся на воинской платформе, с непокрытой головой, два солдата держат его за плечи.

Эшелон пролетел мимо перрона, подняв за собой снежную порошу. Соня медленно прошла к концу перрона, подняла шапку-ушанку, осыпанную снегом. Шапка была еще теплой. На тыльной стороне, под козырьком, была надпись химическим карандашом: «Расулов М.»

И снова был август. И ветер мел по горячим московским тротуарам белый тополиный пух. И ветер странствий, ветер летних командировок приносил в нашу молодежную редакцию горячий темп ударных строек, жаркие будни студенческих строительных отрядов и страдной поры у молодых колхозников. Эти вести стекались к нам отовсюду – из гудящей перфораторами и комариным звоном Якутии, из виноградной Молдавии, с хлопковых полей Узбекистана, с нефтяной целины Тюмени и Томска, с высокогорных строек Киргизии, от хлеборобов Алтая и даже с Дальнего Востока, со строительства Билибинской ГЭС. Всюду трудились мощные студенческие отряды – москвичи в Якутии и Голодной степи Туркмении и Узбекистана, белорусы и грузины – в Норильске и на Урале, эстонцы и свердловчане – на Кубани, молдаване и ленинградцы – в Азербайджане, на строительстве нового города-спутника Алунит.

И по всем этим стройкам летали, ездили, колесили корреспонденты нашей молодежной газеты и я, ваш покорный слуга и «ваш корреспондент».

А потом в Москве, по вечерам, когда спадала жара за распахнутыми окнами редакции и остывала горячка трудового лихорадочного дня, мы сидели в редакционном буфете, пили кофе с минеральной водой. Мы – это сотрудники редакции, молодежь, загоревшая в дальних и близких командировках. Мы пили кофе с минеральной водой и обменивались новостями и целинными сплетнями.

В буфет пришла секретарша нашего отдела Катюша.

– Петя, – сказала она мне, становясь в очередь за кофе. – Тебя там какой-то солдат ждет.

– Где – там? – спросил я.

– Ну, у нас в отделе.

– А почему он меня ждет? – спросил я с апломбом недавно утвержденного старшего литературного сотрудника. – Армией у нас занимается Елисеева. Надо было отправить его к ней.

– Я так и сделала, – ответила она с обидой молодой секретарши. – Но он хочет поговорить с тобой.

– Ну что ж... – сказал я. – Тогда пусть подождет, у меня перерыв, и вообще я еще в командировке...

И продолжил беседу с приятелями.

* * *

Мурат сидел в нашем отделе, комкая в коленях пилотку. На его гимнастерке было несколько значков, среди них красный ромбик отличника боевой и политической подготовки. Впрочем, иначе он бы и не получил этот отпуск...

Я узнал его сразу, хотя он очень повзрослел, раздался в плечах и подстрижен был под короткий солдатский ежик. Вот только не вырос он за это время – ну разве что на пару сантиметров...

– Ты? – удивился я. – Здравствуй.

– Здравствуй. – Он встал, пожал мне руку.

– Сиди, – сказал я, – ты что вскакиваешь? Ну, как служба?

– У меня отпуск, – сказал он серьезно, не принимая легкости моего тона в разговоре. – Я приехал узнать, где Соня.

Заведующая нашим отделом Кира Борисовна, три сотрудницы и секретарша Катюша с любопытством оторвались от своих дел, поглядели на нас с ним.

А я еще не знал тогда всех перипетий истории Мурата и Сони и в затруднении замялся.

– Ну... – сказал я. – Вообще-то она под Москвой...

– Одна? – спросил он.

– Ты садись, – сказал я, стараясь перейти на другую тему и не зная, нужно ли говорить ему Сонин адрес и вообще как мне себя с ним вести. – Расскажи, где служишь, что, как?

Но он продолжал стоять. Он понял мою нерешительность по-своему, и черные угли его глаз уже стали наливаться горячей кавказской кровью, и, когда он заговорил, голос его запульсировал кавказским акцентом.

– Петя, – сказал он, разгорячившись. – Ведь у вас молодежная газета, да? Я читал твои статьи – ты тоже пишешь про молодежь, про дружбу народов пишешь, да? Пускай мои родители отсталые люди, но вы тут тоже отсталые люди, да? Я люблю ее, понимаешь, люблю! Твою сестру – люблю! Она старше меня, она русская, а я не русский – ну и что? Ты тоже будешь мне мешать, да?

Надо было видеть, с каким удивлением и любопытством глядели на нас заведующая нашим отделом Кира Борисовна, три сотрудницы и секретарша Катюша.

– Успокойся, ты что, псих... – Я снял телефонную трубку черного внутриредакционного телефона, сказал телефонистке: – Марья Степановна, дайте мне Шатуру, музыкальную школу, по срочному...

– С сестрой говорить? – ответила телефонистка. – Ты же знаешь, неслужебные разговоры запрещены...

Заведующая нашим отделом Кира Борисовна сняла трубку с параллельного аппарата, сказала:

– Маша, соедини его с Шатурой, это очень важно. – Она положила трубку, сказала Мурату: – Вы садитесь, не нервничайте. Катя, у нас есть чай? Товарищ с дороги...

– Сейчас... – сорвалась с места секретарша и, стрельнув глазами в Мурата, убежала в буфет. Пронзительно зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Даю Шатуру, – недовольным тоном сказала мне телефонистка Марья Степановна. – Говори с сестрой. Ну, говори же, чего ты?

– Соня... – произнес я и умолк, видя, как Мурат просто впился взглядом в телефонную трубку.

А из трубки уже звучал обеспокоенный Сонин голос:

– Петя! Петя, что случилось? Петя?..

Я протянул трубку Мурату, он буквально выхватил ее.

– Соня! – крикнул он, и голос его осекся. – Соня, это я, Мурат. Соня, ты слышишь? Соня!..

– Слышу... – тихо ответила Соня.

– Соня, я приеду, я сейчас приеду, ладно? – лихорадочно говорил он. – У меня отпуск, я приеду сейчас, это я от Пети говорю, из редакции, хорошо? Соня!

– Я слышу, Мурат, слышу...

Мне показалось, что я вижу сейчас Сонино лицо, ее вот-вот готовые заплакать глаза...

– Ну, до свидания, да? До свидания? Я поехал уже, я уже поехал... Соня!

– До свидания, – тихо сказала Соня.

Но у него не было сил положить трубку, прервать разговор, и он, протянув трубку к аппарату, словно боялся опустить ее на рычаг. Я взял трубку у него из руки.

– Соня, – сказал я в трубку.

– Петя, я пошла на урок, – сказала мне сестра.

– Иди, – сказал я и положил трубку.

– Спасибо, – сказал мне Мурат. И тут же повернулся к Кире Борисовне. – Спасибо! До свидания!

– Постой, – улыбнулся я и стал писать на листке Сонин адрес. – Возьми ее адрес... Слушай, ты же не успеешь на электричку. – Я поглядел на часы. – Последняя через шесть минут отходит. Может, переночуешь у меня, а утром...

– Ты что?! – сказал он возмущенно, выхватил у меня Сонин адрес и ринулся к двери. – До свидания!

Навстречу ему Катюша внесла на подносе – достала же где-то поднос! – чай и печенье.

– А чай? – сказала она ему растерянно.

– Спасибо, спасибо, извините... – ответил он ей и умчался.

Катя с сожалением посмотрела на захлопнувшуюся за ним дверь и вздохнула.

– Нет, не успеет он, – сказал я, глядя на часы.

Как он за эти шесть минут добрался до вокзала, я не знаю. Может быть, он, выскочив из вагона метро, мчался вверх по эскалатору, расталкивая других пассажиров?.. Может быть, громыхая армейскими ботинками по гулким подземным переходам, он летел к перрону Казанского вокзала, как третий брат братьев Знаменских? Может быть, он бежал, как тогда, три года назад бежал в филармонию? Не знаю...

Но на электричку он все-таки опоздал. Она отошла от платформы, когда он выскочил на перрон, и он, пробуя догнать ее, бежал по перрону за последним вагоном. Но, добежав до конца платформы, он понял, что, конечно, ему уже не догнать эту электричку. Сила инерции, взятая при беге скорость пронесли его дальше – он не удержался на краю платформы и спрыгнул вниз. И только тут пришел в себя. Оглянулся. В стороне, через несколько путей отходил грузовой состав с кирпичом. Он ринулся туда. Состав уходил в ту же сторону, куда ушла шатурская электричка, и он, не раздумывая, вскочил на подножку грузовой платформы.

Он добрался до Шатуры на рассвете, в четыре утра. Грязный, весь в кирпичной и угольной пыли, он позвонил в дверь Сониной квартиры.

Соня открыла почти тотчас, она была в халате, но гладко причесана, и глаза не были заспаны – она ждала его.

Они стояли в дверях и молча смотрели друг другу в глаза.

Да им и не нужно было слов.

Горячая вода тугой струей била в переполненную пеной ванну. Мурат сидел в воде и пене, зажмурив глаза от мыла. Соня, закатав до локтей рукава халата, мыла ему голову. Темные ручейки грязной воды стекали с его головы и исчезали в пене.

– Щиплет, Сонь! – умоляюще говорил Мурат. – Жжет!

– Тихо, соседи спят... – Она полила ему голову из душа. – Терпи.

Потом губкой стала тереть ему плечи, спину.

– Щекотно, Сонька!

– Сиди смирно! Маленький ты, что ли?

– Ага, – сказал он. – Конечно, маленький. Ты сама говорила.

И он с улыбкой повернул к ней голову, посмотрел ей в глаза.

Но она хозяйски отвернула его голову от себя, продолжала мыть его и тереть. Можно было подумать, что она купает сейчас не мужа своего, а ребенка.

Под мышкой у Мурата был рубец. Соня осторожно обвела вокруг него губкой.

– Это ты тогда? С поезда? Ты ведь мог насмерть убится, глупый...

– Вот еще! – сказал он. – И вообще ничего не было, стал бы я из-за тебя под поезд кидаться! Нужно очень!

Соня улыбнулась и наклонилась над ванной, мягко прикоснулась губами к этому шраму.

– Ой! – как от щекотки вздрогнул Мурат и вдруг, схватив Соньку обеими руками, опрокинул ее – всю – в ванну.

Сонька испуганно взвизгнула, пена и брызги разлетелись в стороны.

Сейчас они живут в Алуните – молодом городе в сорока километрах от нашей родной Бондарной улицы. Этот город моложе и Сони, и Мурата и чуть старше их трехлетнего сына Тимура.

Вчера я получил от Сони и Мурата очередное письмо с очередным фото своего племянника Тимура. Я не стал бы рассказывать вам содержание этого письма, ведь история Мурата и Сони закончилась, – если бы в письме не было одной любопытной детали.

Как всегда, по субботам и воскресеньям к Мурату и Соне приезжают родители Мурата – бабушка и бабушка Тимура.

Но в прошлое воскресенье бабушка поехала в Алунит одна, отец Мурата по каким-то делам остался в городе.

С пустой кошелкой бабушка прошла по тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя, свернула на Красноармейскую и миновала нашу Бондарную улицу, где по-прежнему черные киршики варили кир, но почему-то уже никто не играл в футбол.

А через час бабушка сошла с автобуса в Алуните, и тяжелая кошелка с зеленью и фруктами оттягивала ей руку, как когда-то оттягивала руку нашей маме. Сойдя с автобуса, бабушка пересекла Октябрьскую площадь, полную молодыми загорелыми лицами и детскими колясками. Из-за тяжести своей кошелки бабушка двигалась медленно, успевая взглянуть в лица этой молодежи. Молодые отцы самых разных национальностей – азербайджанцы, русские, грузины, лезгины, украинцы, армяне, татары, латыши катили ей навстречу коляски с детьми, гуляли компаниями и под руку со своими невестами и девушками – латышками, татарками, азербайджанками, русскими. Бабушка переждала троллейбус, свернула на улицу Ленина и углубилась в зеленые и просторные дворы пятиэтажных домов.

А в это время где-то поодаль от бабушки, во дворе нового дома под распахнутыми окнами чьих-то квартир три малыша в возрасте от трех до пяти лет неумело пробовали играть в футбол. Один из них – трехлетний Тимур – неловко поддел ногой разноцветный мяч и угодил им в открытое на первом этаже окно.

В окне появилась светловолосая шестилетняя девочка.

– Хулиганы, – сказала она малышам совсем по-взрослому.

– Кинь мячик, – попросили ее малыши.

– Не-а, – сказала девочка и ушла от окна.

Малыши подтащили к ее окну какой-то ящик, Тимур взобрался на него и попробовал дотянуться до подоконника.

И именно в этот момент во двор вошла бабушка.

Ни слова не говоря, бросив кошелку, она побежала к своему внуку.

И зеленый двор огласился ревом малыша.

На третьем этаже в окне своей квартиры появились обеспокоенные Мурат и Соня. Руки у Сони были в тесте, Мурат брился.

То, что они увидели внизу, заставило их улыбнуться и посмотреть друг на друга.

Там, внизу, под чьим-то окном стоял на ящике Тимур, ручонки его держались за подоконник этого окна, а бабушка, мать Мурата, шлепала своего внука по мягкому месту.

В окно, за которое держался Тимур, выглянула светловолосая шестилетняя девочка и назидательно сказала Тимуру.

– Ага, получил?!

Впрочем, это маленькое событие – из ряда тех историй, которые рассказывают родители о своих маленьких детях своим друзьям и знакомым. А для всех остальных это уже, наверно, не так интересно...

Москва, 1972 г.

Эдуард Тополь, Белла Берг Уроки музыки *Киносценарий*

День первый. «Турецкий марш»

Дом этот – бревенчатый, двухэтажный, старый – стоит в конце неширокой улицы, в маленьком городке, уютно расположившемся на 127-м километре от Москвы.

И если в осеннюю пору, не останавливая медленного шага, идти по этой улице, чуть запрокинув голову назад, – навстречу взгляду плывет золотисто-багровая и желто-зеленая, чуть шевелимая ветром листва.

Приближаясь по этому лиственному коридору к дому, наш слух все явственнее улавливает знакомый, но постоянно сбивающийся и путающийся мотив. «Турецкий марш» Моцарта.

Смешиваясь и натываясь друг на друга, звуки и музыкальные фразы опускаются на роскошную осеннюю листву, успокаиваются и растворяются в ней, а следом за ними из-под чьей-то неверной и неумелой руки слетают новые клочки марша и ведут нас к высокому выскоченному крыльцу и темной двери с двумя табличками: «Детская музыкальная школа» и «Вечерняя музыкальная школа». Если бы не эти таблички, можно подумать, что перед нами «Памятник, охраняемый...», – так коричнево-темны стены этого дома, так узорчато-ветхи наличники. Но ока-леченный, в страдальческом исполнении Моцарт уводит нас дальше, за дверь, на второй этаж, в маленький класс, где под портретом Бетховена стоит новенькое пианино «Украина». Идеальной, еще без единой царапины полировкой оно как бы бросает тут вызов двум стареньким стульям с потертой обивкой и выдавшему виды шкафу, доверху забитому нотами.

За инструментом сидит Люба Перова. Она в том возрасте, когда даже с помощью прически, одежды и косметики нельзя скрыть свои неполные пятнадцать лет. Глядя в ноты, она мучительно пытается играть без остановок и украдкой поглядывает в конец клавиатуры, где лежат ручные часики.

Справа от Перовой, вечерницы, ученицы четвертого класса, сидит Альбина Петровна. Всем своим видом выказывая стоическое терпение, она оглядывает Перову с ног до головы – и эту короткую, надетую явно не к месту юбку, которую Люба то и дело безуспешно оттягивает левой рукой к коленям, и блузку мужского покроя, эффектно облегающую грудь и талию, и темные волосы, разбросанные по плечам, и покрашенные ресницы, из-под которых то и дело мечется взгляд от нот к часикам, и ухоженные ногти, на которые еще не ложился лак. Сдерживая раздражение, Альбина Петровна привычным движением поправляет свою короткую челку на лбу и отходит к окну. Так, стоя спиной к классу, она продолжает слушать Любу и видит внизу во дворе уборщицу тетю Машу. С ведром и шваброй в руках Маша разговаривает с незнакомой молодой женщиной в линиялом оранжевом плаще. Женщина просит о чем-то, но тетя Маша отрицательно качает головой и уходит в школу.

...Немного успокоившись, Альбина Петровна усаживается рядом с Любой, по-прежнему ковыряющей марш.

– Пора уже слышать фразами. – Она старается говорить спокойно и одновременно проигрывает правой рукой кусочек марша. Потом кладет свою ладонь на Любину кисть и пытается ее пальцами провести музыкальную фразу. – Не хлопай. Вместе с клавишами опускай и поднимай пальцы. Не рви звук. Попробуй отсюда.

Люба играет, спотыкается, всматривается в ноты, пробует снова.

А тетя Маша уже сидит в конце школьного коридора, за небольшим, покрытым зеленым сукном столиком и под мелодию марша работает спицами. Маша – душевная и добрая женщина, хотя это крайне не соответствует ее внешности: худая, плоскогрудая, в рабочем халате, свисающем с узких плеч, она со спины вообще походит на девочку-подростка с неоформившейся фигурой и тонкими ногами. Сейчас ее пальцы и спицы движутся в ритме моцартовского марша, и, когда Люба сбивается, сбивается и тетя Маша, вздыхает, распускает нитку и начинает ряд снова.

А в классе Альбина Петровна откинулась на спинку стула, прикрыла глаза, слушает и правой рукой вместе с Любой ведет в воздухе мелодию, будто поддерживает Любину руку. Но Люба опять сбивается.

– Ё-моё! Ну, нет покоя, – в сердцах говорит себе тетя Маша, считает набранный ряд петель, распускает и вяжет снова.

А в классе Люба опять ищет левой рукой аккорд в басу и не может найти.

– Ну что ты ищешь?! – взрывается Альбина Петровна. – Дома надо учить! Дома! Я могу помочь, десять раз объяснить, но выучить за тебя ноты я не могу. Сколько бы у тебя здесь ни было, – она тычет Любу пальцем по лбу, закрывает ее ноты и хлопает себя по заду, – без этого места ничего не получится. Все. Иди домой. Выучишь ноты – придешь.

Люба виновато складывает ноты в папку, встает. Что-то отмечая в журнале, Альбина Петровна продолжает:

– И вообще, зачем ты приходишь в такой юбке! Ты совсем не сюда торопилась. Я вижу, что у тебя в голове. Часы возьми свои.

Потупившись, Люба возвращается от двери за часами и еще стоит виновато у пианино, но Альбина Петровна не смягчает тона:

– Все. Я сказала. Уйди с глаз.

Оставшись одна, Альбина Петровна собрала со стола ноты в шкаф, подошла к пианино и взялась за крышку, чтобы закрыть, но вдруг бегло, аллюром, одной правой рукой проиграла кусок марша и тут же оборвала себя, закрыла крышку пианино, взяла со стола журнал и сумочку и вышла из класса.

В коридоре школы пусто и тихо, и в этой сумрачной тишине на столике подле тети Маши отдыхает после рабочего дня телефон.

Альбина Петровна шла по свежевymетенной ковровой дорожке.

Двери классов открыты, там молчат инструменты, и внизу, в гардеробе, нет ни одного пальто.

– Последний звонок отменяется, тетя Маша.

– Опять Перова не выучила. – Тетя Маша аккуратно сложила вязанье в целлофановый кулек. – Чего с ней возиться-то? Она того и гляди вообще скоро коляску покатит!

– Тетя Маша! – укоризненно сказала Альбина. – Она в восьмом классе.

– Да они теперь уже и в седьмом классе!.. – махнула рукой тетя Маша.

Альбина вошла в учительскую. Здесь, в крохотной комнатке, отрезанной от класса фанерной перегородкой, тесно стояли старый кожаный диван и шкафы с нотами под потолок. У стены ютился столик и над ним – овальное зеркало. На зеркале губной помадой было написано наспех: «Приемная Глыбина 24-17». Не стирая эту надпись, Альбина хотела причесаться, но ее внимание привлек лист бумаги, прикрепленный рядом с зеркалом: «Объявляется конкурс на лучшее блюдо из плавленого сыра. Допускается растирание с чесноком, уксусом, селедкой и т. п.» Под объявлением на столике стояла батарея разнокалиберных баночек, оставшихся, видимо, после проб «блюдов».

– Маша, ты видела? – рассмеялась Альбина. – Что только не придумают от скуки! – Она попробовала какой-то сыр из баночки и сморщилась. – Счастливые люди – ученики к ним не приходят, сиди и сыр растирай с селедкой.

Она сняла лист с объявлением и дописала: «Второй конкурс – на лучшее название нового блюда!» – потом прикрепила лист на место, сняла пальто с вешалки, стала одеваться.

Маша, звеня ключами, проверила, выключена ли плитка под чайником.

– Бог с ними, с сырами-то! – сказала она. – А вот надымили! Все Юлия от учеников с сигаретой прячется, засядет тут и пыхтит, и пыхтит.

– Доводят, – объяснила Альбина.

– А вы цацкаетесь с ними потому что. – Выйдя за Альбиной, тетя Маша закрыла учительскую на ключ. – Моя б воля – или учись как положено, или вообще не ходи в школу.

– Ну, тогда нам только и останется, что сыр растирать с селедкой, – улыбнулась Альбина Петровна и спустилась вниз, к выходу. – До свидания.

– До свидания, милоч. Иди отдыхай.

После рабочего дня было приятно идти вот так в тишине вечернего города по безлюдной улице. На этом пятачке всегда мало прохожих – кроме музыкальной школы, никаких других общественных учреждений.

Альбина с наслаждением вдыхала свежий, гретый последним, будто отстоянным теплом, воздух бабьего лета, на ходу трогала пышные низкие ветки осенней листвы и вообще вела себя как человек, очутившийся наконец на свободе и наедине с самим собой.

Дойдя таким образом до старой, чугунного литья изгороди, обозначающей начало городского сквера, она пошла более собранной походкой. Улица, сузившись до ширины небольших ворот, плавно переходила здесь в аллею этого сквера, и сам сквер был устроен очень геометрично: от центральной, ухоженной и нарядной клумбы с фонтаном, работающим только в праздничные и воскресные дни, пучком радиусов разбегались асфальтированные аллейки с аккуратными разноцветными скамейками. За изгородью эти аллейки естественно переходили в улицы.

Днем в этом сквере молодые мамы и бабушки выгуливали малышей, вечером в светлых аллеях, поближе к выходу, шаркала молодежь, а в глубине, там, где темней, боговала местная шпана, но сейчас, в предвечерний час, не было ни тех, ни других, и среди редких отдыхающих Альбина без труда узнала чуть ссутулившуюся фигуру Бориса Марковича, теоретика и хормейстера их школы. Держа на коленях газету, он, казалось, читал. Но, еще издали увидев Альбину, он поднял глаза и смотрел на нее. Рядом на скамейке лежала стопка нот.

– Слушаете тишину? – сказала Альбина, поравнявшись с ним.

Он встал при ее приближении и теперь, помолчав какие-то мгновения, сказал:

– Может, нарушим ее? А? Так сказать, подведем итог прожитого дня. – Последние слова он произнес нарочито приподнятым тоном, жестом приглашая Альбину сесть. Во всем его поведении угадывалось желание скрыть интерес к ее особе. И только твердый упрямый взгляд голубых глаз на уставшем лице не подчинился этому желанию.

– Спасибо, но я свои итоги привыкла подводить в одиночестве. – Она вдруг поняла, что шутки не получилось, а скорей – наоборот. И замялась: – То есть...

Но он уже развел руками:

– Понял, не смею задерживать. – И снова взял газету.

– До свидания, – сказала Альбина Петровна.

– До завтра.

Какое-то чувство вины осталось в ее душе. И весь оставшийся путь до гостиницы оно мешало ей думать или, наоборот, мешало не думать ни о чем...

Пройдя через сквер, Альбина вышла на одну из улиц-радиусов. Здесь потянулись старые, кирпичной кладки дома и двухэтажные коттеджи. На одном из этих домов была большая, сильно нарушающая гармонию красного кирпича надпись: «Дом для приезжающих». Каждый раз, поднимаясь по ступенькам этого, так и не ставшего родным жилища, Альбина пыталась

разгадать – почему «для приезжающих», а не «для приезжих»? И сегодня эта загадка вновь отвлекла ее от мыслей о встрече с Борисом Марковичем.

– Добрый вечер, Нюра.

Тетя Нюра, полная пожилая женщина, сидела за письменным столом, прикрывшись, как баррикадой, двумя толстыми канцелярскими книгами, и быстро, с какой-то пулеметной сноровкой, вязала, потягивая лохматую нить из чуть приоткрытого ящика.

– Здравствуй. Письмо тебе. Кажись, от матери. – Тетя Нюра вместе с письмом протянула ей ключ от комнаты.

– Спасибо. А-а?.. – начала Альбина, но Нюра перебила:

– Да помню, помню. К тебе никого не подселила. Народу вообще мало. Кто в нашу дыру ездит-то?

Наверное, ей хотелось побалагурить, но Альбина не ответила.

На ходу проглядев письмо и благополучно миновав в длинном полутемном коридоре шумную подвыпившую компанию ребят, она вошла в свой номер. В темноте привычным движением отключила радио, зажгла свет.

Нехитрая гостиничная обстановка, довольно уютно, если не считать второй, задвинутой к стене «нежилой» койки с голым матрацем. Но именно эта мешающая и незастеленная кровать всегда успокаивала: значит, действительно никого не подселили, никто не будет мешать, стеснять, и не надо будет с деланным интересом поддерживать беседу с очередной любопытной командированной особой.

Уже автоматическим движением руки Альбина заперла дверь, быстро переоделась в халатик, достала из двойной рамы окна ужин – кефир, сок, сто граммов нарезанного сыра, кабачковую икру, а из тумбочки хлеб, аккуратно завернутый в чистое вафельное полотенце. Здесь же, рядом с тумбочкой и столиком – раковина, умывальник...

Неторопливо ужинает.

В тишине откуда-то издалека наплывает знакомая, но не сразу узнаваемая мелодия «Турецкого марша» Моцарта. Наплывает повторяющимися, но разными по окраске кусками и в каком-то другом, чужом для этого марша ритме. Но это не губит мелодию, а, напротив, основной мотив очень ярко, искристо переливается в разных регистрах фортепиано.

Альбина неподвижно сидит за столом. Вдруг резким движением отодвигает ужин, и с этим движением прерывается музыка. Альбина достает из тумбочки стопку нотной бумаги и, на минуту задумавшись, начинает быстро писать нотные знаки. Усталое лицо ее преобразается, на нем интерес какой-то тайной азартной игры. Слегка прикусив нижнюю губу и отстукивая ритм правой ногой, она пишет, изредка взглядывая в темное вечернее окно. Это окно смотрит со второго этажа в парк, скорее похожий на смешанный кленово-осиново-сосновый подлесок – забросанный листвой и заросший кустарником одичавшей малины.

Стук в дверь, но Альбина не слышит, пишет. Но вот стучат сильнее, она почти вздрагивает и говорит механически:

– А? Да, войдите.

В дверь тыркаются снаружи, потом произносят:

– У вас закрыто.

Альбина подхватывается, идет к двери, отпирает. Первым появляется увесистый чемодан, за ним девушка с тяжелой дорожной сумкой.

– Здравствуйте. Извините, меня к вам поселяют, – говорит она с едва уловимым украинским акцентом – «и» произносит почти как «ы», а «е» – как «э». Оглядевшись, она волочит к пустой койке тяжелую сумку, потом возвращается к двери за чемоданом и тащит его к кровати. – Дежурная сказала, что вы в музыкальной школе. Так я так обрадовалась!

В пыльных туфельках, потертых джинсах и добротной куртке, она подтаскивает чемодан и устало садится на койку.

– Фу-у!.. Итак, она звалась Ларисой. Она – это я, значит. Я к вам в школу приехала работать. Фоно и концертмейстерство. Окончила Одесское училище. А вы?

Альбина, мысленно прощаясь с привычным и милым душе одиночеством, покорно закрыла дверь, прошла на свое место, села и только после этого спросила:

– По направлению?

– Нет. Я сама. – Лариса стала распаковывать сумку.

– Сама?! Сюда – из Одессы? – изумилась Альбина.

– А мне в Управлении культуры посоветовали. – Круглолицая, с длинными прямыми волосами, туго перехваченными на затылке резиночкой, Лариса уже энергично вытаскивала из сумки тапочки-домашники, халат, бигуди.

– Послушай, – подошла к ней Альбина. – Подожди. Если ты сама приехала, то... Пока тебя никто не видел – поезжай отсюда, а? – Она произнесла это как можно мягче, даже старательно мягко, но Лариса все равно сердито сдвинула брови, насупилась, посмотрела враждебно и выжидающе.

– Да нет, ты не думай... – сказала Альбина. – Просто тоска здесь. Что тебе здесь делать? Женихов нет, городок крохотный, скука, дыра. До Москвы четыре часа электричкой.

– А вы почему тут? – замкнувшись и исподлобья говорит Лариса.

– Я? – Альбина улыбнулась чуть печально и отошла со вздохом. – Я тоже каждый вечер думаю, идти завтра в школу или... Просто мне сначала никто не сказал.

Но Лариса молча, с демонстративной твердостью принимается распаковывать сумку, водружает на тумбочку какой-то лосьон, зеркальце и прочие нехитрые предметы женской косметики. А в тумбочку, на полочку – пижаму, стопочку трусиков, чулки. И, будто еще не удовлетворяясь этой демонстрацией, говорит с чуть ироничной улыбкой и неловким жестом:

– А кто же будет это?.. Ну, сеять разумное, доброе?

И смотрит Альбине прямо в глаза.

– А-а!.. – понимающе протягивает Альбина и собирает исписанную нотную бумагу, прячет в тумбочку. – Ну-ну... Может, у тебя еще и какая-нибудь новая программа есть? Как учить детей музыке – революция какая-нибудь, а?

Но Лариса молчит, отворачивается.

Печально поглядев на нее и снисходительно вздохнув, Альбина выходит из номера, а вернувшись, сообщает с порога:

– Значит, постель сегодня уже не достать, кладовщица ушла. Будешь спать без подушки, ничего, даже полезней для фигуры. А простыню я тебе дам. – Она достала из шкафа простыню, протянула Ларисе.

Но та отказалась:

– Не надо.

– Ну ладно еще! Бери.

– Не надо, у меня есть.

– Что у тебя есть?!

– Постельное белье. – Лариса щелкнула замками своего чемодана, открыла крышку, достала аккуратно сложенную стопку чистого постельного белья – веселого, батистового, в мелких ярких цветочках и зверюшках, совсем как детское. – Мне мама дала с собой.

И принялась заправлять койку.

Альбина, удивленно сев посреди комнаты верхом на стуле и уперев в кулак подбородок, молча наблюдает за ней. Потом говорит:

– И от такой мамы ты уехала?

– Я хочу сама. Сама, понимаете? – резко повернулась Лариса.

– Понимаю, – грустно произнесла Альбина – Может, ты и ужин привезла с собой, и кормить тебя не надо?

– Я бы чаю выпила, – призналась Лариса. – Если можно.

– Ну, слава Богу. – Альбина поднялась, включила электрический чайник и вновь стала вытаскивать из двойной рамы сыр, масло, полбутылки кефира. И вдруг замерла. В стекле она увидела Ларису. Та, сидя на своей койке, уже клевала что-то вилкой из стеклянной банки. Альбина подошла к ней, попробовала разглядеть этикетку.

– Что ты жуешь?

– Да это свекла! – отмахнулась Лариса и сказала с отвращением: – Если я не пожую это на ночь, то... это... мучаюсь потом желудком. А как вас зовут?

...Выдавив из тубика бело-розовый шнурок крема, Альбина густо мажет лицо и видит в зеркальце Ларису. Та уже пьет чай и с аппетитом поедает бутерброды с сыром и кабачковой икрой.

– Я не настолько старше, чтобы ты мне «выкала», – говорит Альбина. – Можешь на «ты». Тебе сколько – двадцать?

– Угу, – с полным ртом подтверждает Лариса.

– А мне двадцать шесть. Ничего, еще можно на «ты».

Потом, уже лежа в постели и легко, в одно касание притирая пальцами кремовую маску, Альбина краем глаза наблюдает, как укладывается Лариса.

Полногрудая, в домашнем халатике, Лариса развесила в шкафу пару своих платьев, убрала остатки ужина, быстренько переделалась в ночную пижаму и, уже гася свет, спросила:

– Ванны здесь нет, конечно?

– У-у, – отрицательно хмыкнула Альбина, не разжимая губ.

– Я гашу?

– Угу.

Лариса погасила свет и юркнула в постель. Молчание.

Вдруг, быстро приподнявшись на локте, в темноте, Лариса выпаливает в сторону лежащей у окна Альбины:

– А вообще у меня есть программа, да! Потому что все с самого начала неверно. И играть неверно, и петь.

Легла. И, лежа без подушки, уже спокойно продолжила:

– А надо начинать с физического развития пальцев. Тренировать надо пальцы – на столе, на доске. Чтобы было чем играть.

– На столе?! – изумилась Альбина и, спохватившись, проговорила, стараясь не разжимать губ: – Ну, тогда тебе будет легко. Стол – не проблема. Вот инструмент, хорошо настроенный...

– А что – настройщика нет?

– Здесь?! Ездил один из Москвы, пока Ленку не увез. Теперь сидим. Впрочем, тебе сначала таких учеников набросают – с ними только на столе и играть.

– А таких вообще не надо принимать!

– Угу. Мы тут одну отчислили по непригодности – до сих пор от мамы покой нет. Ну что, спим?

– Спим, – соглашается Лариса, но тут же продолжает: – А с пением что? Надо сначала научить детей правильно дышать, а потом уже – рот раскрывать. Тут вообще вокальная революция нужна!

– Хорошо, утром устроим. Спи уж, вокальная революция! – говорит Альбина и закрывает глаза.

Но спустя минуту, когда Альбина почти засыпает, Лариса вновь поднимается на локте.

– Слушай, а почему «для приезжающих»?

– Что? – сонно переспрашивает Альбина.

– Ну, почему там написано «Дом для приезжающих»? Надо ведь «для приезжих».

Тихо вздохнув, Альбина вяло спрашивает:

– Тебе не все равно?

Лариса вновь ложится, закрывает глаза, и кажется – она уже уснула. Но спустя минуту она открывает совершенно несонные глаза и говорит:

– Знаешь, я решила. Раз мы будем жить с тобой, давай проигрыватель купим. А?

Она поднимается на локте и ждет ответа. Но Альбина молчит – то ли ей надоело, то ли действительно спит. А может, ей снова слышится «Турецкий марш».

День второй. Хор

В час сводной репетиции хора улица, на которой стоит музшкола, оживает из-за спешащих в школу детей.

Вот и сейчас, под проливным осенним дождем, сбивающим с веток желто-багряную листву, бегут, обгоняя друг друга, подростки.

Три девочки, подняв над головой портфели, мчатся прямо по лужам. А эти две, постарше, укрывшись большой клеенкой, не торопятся – им надо поговорить. А вот, окатывая водой и без того мокрых прохожих, к школе на рысях подкатил заляпанный грязью «газик» – приехали ученики из пригородного совхоза, видно, уважили их взрослые, дали машину – иначе не доберешься. Сухие и шумные, дети высыпали из «газика» под дождь с гоготом, как гуси в озеро. Мальчики в куртках-болоньях хорохорятся под дождем, не торопятся, а девочки, оберегая колготки и прически, нырнули под карниз школы и, прижимаясь к стене, бегут к крыльцу.

Школьный коридор тоже переполнен детьми. Здесь и малыши, и старшеклассники. Кто-то на ходу настраивает скрипку, кто-то тащит виолончель, всюду голоса и звуки инструментов, двери классов еще распахнуты, какая-то девочка потеряла ноты... Сквозь эту толчею расходятся по своим классам педагоги. Вот баянист Панаев с классным журналом под мышкой. За ним торопится белобрысый паренек с тяжелым баяном в футляре. Ему тяжело тащить инструмент – держа ручку двумя руками, он подталкивает его левой ногой. Вот пробирается к своему классу Юлия Степановна – невысокая и худенькая, как подросток, отрешенная и независимая, она несет свою скрипку поверх голов учащихся. За ней, окликаемая, спешит молодая женщина в линялом оранжевом плаще – та, с которой уже как-то разговаривала в школьном дворе уборщица тетя Маша.

Седая, аккуратная пианистка Лидия Павловна пропускает в свой класс ученицу и торопливо закрывает дверь – прячется от коридорного шума.

Мимо, спеша в зал, протискивается Лариса – теперь это уже Лариса Викентьевна, педагог и аккомпаниатор. Она и в школе освоилась быстро и чувствует себя тут свободно, раскованно, хозяйски.

А Юлия Степановна обернулась к настигшему ее оранжевому плащу:

– Я же вам сказала – прием окончен. Собирать комиссию специально для одного ребенка никто не будет. Если ей нет и шести лет – что вы волнуетесь? Придете весной. Все, у меня урок. – Она отворачивает худое, нервное лицо, спешит в класс.

– А может, я приду с ней? Вы послушаете. Скажите, когда вы свободны?.. – еще просит мамаша в оранжевом плаще, но Юлия и не повернулась, закрыла дверь.

Тетя Маша дает звонок и гонит всех с ковровой дорожки в зал. Ворчит на директора:

– Нет, вы глядите, что делается, глядите! Нет, вы как хотите, а когда хор, я дорожку стелить не буду. – И тут же кричит на двух опоздавших девочек, которые в грязных резиновых сапогах бегут по дорожке к залу: – Куда?! А ну назад, переобуваться! Кому сказала?!

Директор – Иван Иванович Фоменко, маленький, сухой, с седой кучерявой опушкой вокруг пролысины – вздыхает и молча уходит в свой кабинетик. Он идет по дорожке, прихрамывая и выбрасывая левую ногу вперед и чуть вбок, будто загребая ею воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.